

ГОЛОКОСТ

і СУЧАСНІСТЬ

№ 2

ТРАВЕНЬ, 2002

ІНСТИТУТ ПОЛІТИЧНИХ І ЕТНОНАЦІОНАЛЬНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ НАН УКРАЇНИ

Щодо доцільності викладання історії Катастрофи

В останній час на сторінках Internet триває майже наукова дискусія між російськими та українськими істориками – вченими, викладачами щодо форм та методів дослідження і вивчення історії Голокосту і взагалі то про доцільність викладання цієї проблематики в Росії та Україні. В цій дискусії беруть участь науковці нашого Центру, і ми плануємо в наступному номері бюлетеня "Голокост і сучасність" надрукувати матеріали цієї неоднозначної, цікавої, але, безперечно, важливої Internet-дискусії.

Однак, мені хотілося б висловити деякі думки з приводу доцільності чи недоцільності викладання історії Катастрофи вже зараз, не чекаючи наступного числа нашого бюлетеня, тому що мене бентежать деякі тенденції щодо бачення цієї теми в Росії. Не рахуватися з цими поглядами ми не можемо, тому що вони, безперечно, мають вплив на Україні. Отже, виходячи з останніх публікацій та Internet-матеріалів вимальовується тенденція (одна з численних, звичайно, але все ж таки вимальовується) з одного боку політизації цієї проблематики, а з іншого фактичного заперечення важливості вивчення історії Голокосту в Росії. Поряд з цим серед російських інтелектуалів також є намагання осмислення долі євреїв в роки нацизму та Другої світової війни, гуманітарних аспектів Голокосту.

Проте, ота перша частина російської гуманітарної інтелігенції цілком впевнено вважає, що для Росії, російської історичної науки на сучасному етапі ця тема не є актуальною. Немає особливого сенсу вивчати Голокост, доля євреїв серед жертв фашизму в Росії мізерна, взагалі то Друга світова війна (точніше, у сучасному російському політичному контексті – Велика Вітчизняна війна) доля Росії це зовсім не тільки геноцид євреїв, у російського соціуму своїх специфічних проблем вистачає?!

В такому контексті сприймаються приблизно такі думки, що сьогодні росіяни в переважній більшості своїй не хвилюють євреї і Голокост, а намагання з боку єврейських політичних, наукових чи освітніх інституцій зацікавити їх в цьому призводять до обгрунтованого роздратування

чи навіть до антисемітизму, і далі – євреї, нав'язуючи тему своїх страждань, підводять теоретичну базу під свої привілеї?! Такі російські інтелектуали, оцінюючи ситуацію в Україні вважають, що увага до студій і викладання теми Голокосту в Україні викликана намаганнями українського політичного істеблішменту скоріше інтегруватися до різноманітних європейських структур, а відомо, що Європа з великою повагою ставиться до вивчення Голокосту, вбачаючи в цьому вивченні один з головних компонентів у сфері виховання толерантності на континенті. А для Росії все це не актуально, перед Росією стоять інші геополітичні завдання в сучасному світі, європейський вектор російської політики не є пріоритетним та інше, і, таким чином, відсутня мотивація щодо вивчення історії Голокосту. Виходить, що російська культура не має відношення до європейської культурної традиції, до Європи, і Росія не несе ні історичної, ні моральної відповідальності за події європейської історії?!

Досвід таких дискусій говорить, що сьогодні в Україні настав час, коли тему Голокосту необхідно вивести за рамки політичної, фінансової та іншої кон'юнктури та перевести у площину наукового та педагогічного дослідження. В цьому випадку, на мою думку, нам (і євреям і неєвреям) надто важливо не тільки зберегти пам'ять про події Катастрофи та передати її наступній генерації (як це не звучить банально, проте **це необхідно зробити!**), ми повинні спробувати відповісти на багато запитань. Чому Голокост став реальністю, чому це стало можливим? Чому це сталося в європейській культурі, чому це сталося з людьми взагалі? Чому Голокост відбився в світовій історії з єврейським профілем? Чому люди співчували чи навпаки? Чому... І яке відношення до історії Катастрофи єврейського народу має бажання чи небажання інтегруватися до сучасних політичних європейських структур, я, чесно кажучи, не розумію.

Д-р Анатолій Подольський,
директор Центру

РЕФЛЕКСІЇ

ГЕТТО В 1943 РОЦІ

Продовження, початок див. в № 1, квітень 2002 р.

«Вибір між життям та смертю був останнім шансом зберегти свою гідність», – зауважує Ганна Краль. Гідність – ось перша щоденна чесно-та. Вона є лише здатністю індивіду залишатися суб'єктом, що наділений волею, і саме це її тримає в середині людської породи. Видно, що поняття вибору смерті має тут зовсім інше значення, ніж у героїчних чеснотах. Там смерть стає цінністю і метою, бо втілює абсолют краще за життя. Тут вона є способом, а не кінцем: головним засобом для індивіду, що бажає утвердити свою гідність.

Отже, цінуємо не самогубство як таке, а самогубство як вираження волі. Проте цього замало, щоб зробити з нього вчинок, гідний замилування з огляду на щоденні чесноти. Гідність, звичайно, – доконечна умова такого вчинку, але її не досить. Це очевидно з коментарів Едельмана щодо двох відомих самогубств. Перше – інженера Адама Чернякова, президента Єврейської ради, якого призначили на цю посаду німці. Він застрелився у власному кабінеті, дізнавшись про рішення фашистів депортувати мешканців гетто у Трєблінку. «Нас дещо обурив той факт, що він зробив зі своєї смерті справу персональну. Ми вважали, що слід було заподіяти собі смерть на очах народу, прилюдно». Еммануель Ріндгельблум, видатний історик гетто, підтверджує цю думку у своїх записках: «Самогубство Чернякова, що сталося занадто пізно, – знак слабкості – мало б закликати до опору – слаба людина». Черняков обрав самогубство, не повідомивши общину про долю, що на неї чигала, і не спробувавши надихнути її на спротив. Він вчинив гідно, проте не подбав про інших.

Правду кажучи, він зовсім не нехтує спільноту. Про це свідчить його щоденник, де він занотує свої враження. Ось що він пише в прощальному листі: «Моє серце обливається кров'ю від болю та жалю. Я не можу знести всього цього. Цей вчинок покаже кожному, що слід зробити» (Tushnet, 183).

Він мав намір звернутися до сучасників, але заклик його так ніхто і не почув. Та чи було самогубство єдиним виходом для нього?

Другим заподіям собі смерть (хоч ми й не знаємо, чи була вона справді самовільною) командувач Мордегай Аньєлевич. «Не слід було цього робити, – каже Едельман. – Хай навіть як це символічно, все ж не варто офірувати життям заради символу». Таке бачення суперечить поглядам Соновського, який, навпаки, хотів смерті задля символів. Ці два самогубства, такі зусібіч різні (одне – занадто особисте, інше – занадто символічне), мають спільне начало. Вони беруть до уваги причину вчинку і далекого адресата – Історію. Проте, поміж це, забувають про адресата близького: інших мешканців гетто. Ці дві смерті нічим не допомагають іншим людям, вони ні до чого не призводять.

Таку обов'язкову властивість доблесних вчинків, які мусять не тільки довести гідність своїх авторів, але й послужити на благо іншим, можна назвати **підкупанням**. «Треба було мати на кому зосередити своє життя, мати задля кого тратити сили», – веде далі Едельман. «У гетто неможливо прожити самому. Якщо якимось дивом ви змогли врятуватися і вижити, ви мусили возз'єднатися з іншою людиною».

Продовження на стор.2

На вулицях довоєнної Варшави
(Фотоальбом Романа Вишняка,
Мюнхен, 1933 р.)

вом ви змогли врятуватися і вижити, ви мусили возз'єднатися з іншою людиною».

Продовження, початок на стор. 1

Щодо смерті через піклування про іншого, Едельман зовсім не вагається: навпаки, ці вияви щоденних чеснот вражають його чи не найбільше. Ось, наприклад, історія дівчини Поли Ліфшиц, що сталася тоді, коли євреї під конвоєм відбували до Треблінки. «Зайшовши додому, вона не застала маму, яку вже разом з іншими гнали на Умшлягплиц. Пола кинулася за ними з вулиці Лецно на вулицю Ставсько-го. По дорозі зіткнулася зі своїм нареченим, який посадив її до себе на велосипед, щоб швидше наздогнати матір. В останню хвилину вона проскочила в натовп, аби разом з мамою сісти у вагон». Це був один з тих вагонів, пасажирів якого ніколи не повертаються на місце відбуття. Чому Пола так поспішала? Чи знав її наречений, для чого знадобиться його ровер?

ГОЛОКОСТ: МИНУЛЕ І СУЧАСНЕ

Холокост и еврейская община Германии

Закінчення, початок див. в № 1, квітень 2002 р.

Опять таки – “русско-еврейская” община Германии практически не принимает участия в вышеперечисленных дискуссиях. Можно подумать, что эта проблема языковая, но, на мой взгляд, еще более глубока культурная пропасть между евреями из СНГ и евреями Европы. Эмигранты чаще всего и понятия не имеют о причинах приема их в Германию, не знают, почему принимают беженцев из других стран, не представляют себе масштабов покаяния немецкой интеллигенции, а когда, например, видят передачи о Холокосте, слышат дискуссии о памятниках жертвам или репортажи о жизни современной еврейской общины – то почти всегда вздрагивают и опасаются того, что разговор идет либо о их выселении, либо о сокращении пособия. Кроме того, советские евреи понятия не имеют о революции 1968 года, которая существенно изменила сознание европейцев (а говоря о Германии, мы понимаем, что эта страна значительно сузившая свой суверенитет в пользу единой Европы). Вообще представления о Германии у нас часто списаны с календарей в лучшем случае 1914 года. А ведь “новая восточная политика”, начатая в 70-ых В.Брандтом, фактически и смогла перевести русло холодной войны в мирное сосуществование, повалила Берлинскую стену, позволяет сейчас свободно пересекать границы, позволяет принимать беженцев, эмигрантов, позволяет оказывать гуманитарную помощь, наконец, позволяет реагировать на любые проявления антисемитизма, как на преступление. Я уж не говорю о последних событиях, связанных с терроризмом. Если немецкие СМИ тщательнейшим образом разбирают психологические мотивы террористов, проживших на Западе не один год, а немецкое общество серьезно изучает ислам и всячески ищет возможности решить проблему мирно, договариваясь иногда до того, что стиль мышления Д.Буша и Бен-Ладена подобны, то для русских евреев Германии все давно решено – разгромить мусульманский мир, “депортировать” (они так и выражаются) арабов из Израиля и цивилизованных стран, да все это сделать силой русского оружия, “американцы слишком гуманны...”.

Приведу простейший пример – выступление профессора А.Френкеля (в прошлом жителя г. Москвы) в синагоге г. Кобленца. Оно было организовано христианско-еврейским объединением, то есть – средства выделялись немцами. Доклад назывался “Положение и перспективы евреев в посткоммунистических обществах”. Профессор выступал на хорошем немецком языке, его внимательнейшим образом слушали и немцы, и евреи, однако он говорил о И.Сталине, В.Щербицком, о государственном антисемитизме в СССР, а вовсе не о положении евреев в странах СНГ и Балтии. Что симптоматично – период немецкой оккупации, безусловный рост антисемитизма в советском обществе во время Холокоста, отсутствие плановой эвакуации евреев, возвращение евреев из эвакуации и разграбление их имущества, запрет “Черной книги” – все это А.Френкель пропустил. Кстати говоря, почти также странно выглядит очень нужный фильм П.Чухрая “Дети из бездн” 2001г., сделанный при участии Фонда Спилберга, где речь идет о коллаборации украинцев, но ни сказано ни слова о проблеме довоенного антисемитизма и обо всем мною выше перечисленном. В то время как задачей интервьюеров Фонда Спилберга именно и было – задать пережившему Шоа вопросы, касающиеся этих тем. Но вернемся к профессору А.Френкелю. Проблемы Холокоста вычеркнуты им из сознания. Для профессора остались явно не замеченными и 10 лет перемены в бывшем СССР, немецкое же общество за эти годы пережило этапы от тотального увлечения “перестройкой”, разочарования реформами в СНГ, до вполне прагматичного отношения к этой части света – нужно дружить, но это не Европа. Профессор же фактически не реагировал на вопросы из зала об открытии новых синагог, памятников погибшим евреям в странах СНГ, ему как бы необходимо было подчеркнуть – на Востоке еврейская жизнь невозможна. К сожалению, подобную точку зрения иногда можно услышать в СНГ о Западе. Хотя, мне кажется,

“Не покупайте у евреев!”, 1933 г.
(“Третий Рейх и вторая мировая война”, д-р Кристиан Центнер. 1998 г.)

А ось історія однієї санітарки, мадам Тененбаум, яка отримала «квиток», що дозволяв протягом кількох днів unikнути депортації. Вона прожить свою доньку, що не мала такого дозволу, потримати його кілька хвилин, а сама піднімається на поверх вище, щоб проковтнути велику дозу фенобарбіталу. Тепер не буде жодних суперечок. За три місяці, прожиті після цього відтермінування, донька її встигла закохатися і пізнати щастя. Або ще історія небоги Тосі Голіборської (колеги Едельмана), якій одразу після одруження, приставили до живота дуло рушциці. Її чоловік встиг рукою закрити дуло – і за мить руку розірвав постріл.

«Ось що важило насправді: мати поруч себе людину, готову оберезити в разі потреби твоєї живіт».

(Далі буде)

Цвєтан Тодоров,

директор Національного центру наукових досліджень (Париж)

ся, давно понятно – еврейская жизнь есть и будет там, где есть евреи и уже дело интеллектуалов наполнить ее содержанием.

И необходимо знать печальную истину – эмиграции Л.Копелева, Д.Штурман, Л.Плюща... уже почти нет. Уже не будут появляться совместные русско-немецкие сборники образа “Германия, маленькие истории”, или более раннего “Все течет”, где помещен шемяче-глубокий рассказ О.Бергольц “Лицо войны”. Есть эмиграция Б.Березовского, В.Гусинского, есть эмиграция советских людей, вполне успешных при СССР.

Таким образом, на первый взгляд, задача заключается в том, чтобы наладить контакты между странами, чем уже много лет занимаются разведывательные службы. Однако существует еще более острая проблема – отсутствие знаний о Холокосте у жителей СНГ. Можно было бы назвать и более глубокую проблему – даже те, кто знают, не желают сочувствовать, всячески пытаются вытолкнуть переживания о Холокосте из своего сознания, либо сосредотачиваются на вине немцев и Германии, забывая о том, что без активной поддержки коллаборантов и давней традиции антисемитизма, нацистам не удалось бы фактически свести на нет еврейский фактор в Европе. Трагедия Холокоста тем и кошмарна, что мы не можем считать ее только еврейской и немецкой, к сожалению мы носим в себе ядовитые семена палачей, так же как и жертв. Однако это проблема этическая, а то и теологическая, для начала нужно хотя бы рассказать народам СНГ о Холокосте.

Сейчас хотелось бы вернуться к тем николаевцам, о которых я сказал в начале. А именно – совершенно неожиданно, благодаря моей публикации в русскоязычной газете г.Кобленца, где я критиковал некоего кандидата исторических наук, искажающего факты истории Холокоста с легкостью необычайной, меня нашел еврей, переживший Шоа на территории Украины. У него когда-то я брал интервью в Николаеве, интервью страшное и честное. Тогда в конце интервью он говорил приблизительно следующее – “у меня нет чувства ненависти к немцам, если б их не поддерживало украинское население, как минимум половина украинских евреев были бы живы... вот моя дочь вышла замуж за русского немца... наверное, поедет в Германию, а не в Израиль – в Израиле война и я не хочу чтобы мои дети переживали кошмар подобный тому, что переживал я...”. Так вот, мы встретились с этим евреем, он живет в Германии несколько лет, и вполне доволен материальной стороной дела. Однако

его зять – русский немец (я здесь подчеркиваю русскость, ибо немец европейский, никогда бы подобное не высказал, даже если бы и подумал), пока не сумевший устроиться, довольно скептически комментировал слова своего тестя, особенно его рассказы о посещении синагоги и еврейской общины. Я не могу сказать, чтобы это был свирепый антисемитизм Макашова, но то, что это был антисемитизм настоящий – несомненно. Внук же моего знакомого, который в Николаеве посещал курсы иврита, еврейской истории и так далее, рассказал мне о том, что в немецкой школе учитель истории довольно предвзято критиковал политику Израиля, мотивируя критику “очевидными” с его точки зрения вещами – а почему вообще евреи едут в Израиль и забирают у палестинцев землю? Разве евреи не могут жить в других странах? Разговаривали мы все вместе и, поглядывая на старика, я видел, какая жуткая тоска поселилась у него в глазах и, как особенно долго он смотрел в пол, когда внук сказал: “вообще много чепухи немцы болтают, да какое нам русским дело?”

И что самое интересное – внук оказался в прошлом одноклассником того самого Андрея, о котором я писал в начале. Я видел их вместе в Кобленце – светловолосый европеец Андрей и типично еврейский мальчик Олег, оба разбирающиеся в современной технике, оба с хорошим немецким, оба не имеющие друзей в немецкой среде и оба не знающие ни кто такой Л.Фейхтвангер, ни что такое синагога, ни что такое Холокост. Подчеркиваю – ни немцы, ни Германия не виновны в их незнании. Проблема в евреях из бывшего СССР. Проблема в том, что они хотят перестать быть евреями. И тут как раз по-настоящему возни-

Продовження на стор.3

Продовження, початок на стор.2

каєт зловещая тень Холокоста. Евреи из СНГ слишком устали от бытового антисемитизма. Они устали от антиеврейских высказываний в средствах массовой информации, либо от голосов из Охотного ряда (забавно, что нынешний адрес Государственной Думы России отсылает нас к эпицентру погромов в царские времена), либо из уст представителей Русской Православной Церкви, либо из уст прохожих. И они боятся постоянной войны на Ближнем Востоке. Они именно боятся быть евреями и переезд в Германию, казалось бы дает им этот шанс избавиться от "проклятья" еврейства. Разумеется шанс этот мнимый, особенно в связи с ростом ксенофобских настроений в Европе и со все увеличивающейся эмиграцией в Германию из мусульманских стран. Уже сейчас на страницах еврейской прессы на русском языке, появились заметки об участившихся случаях антисемитизма в Германии, особенно со стороны беженцев из стран Ближнего Востока и Африки (я намеренно не использовал термина – мусульмане, так как не считаю крайних, арабских националистов мусульманами). С другой стороны – отношение из-

раильтян к евреям переезжающим в Германию, как к "предателям" не может считаться нормальным.

И когда европейские средства массовой информации настаивают на том, что нынешняя молодежь мира не заражена нацизмом, прагматична, находит общий язык, пользуясь английским, живет в своей вполне толерантной субкультуре, что никакие всплески дикости и никакие войны в Европе уже невозможны, мы евреи очень хорошо знаем, что подобное уже писали и говорили и во времена Александра Македонского, и во времена древнего Рима, и во времена Веймарской республики...

Еврейская община Германии должна быть, и еврейство мира должно помочь евреям СНГ стать и остаться евреями. Они вполне того заслужили.

Артур Фредтегин
научный сотрудник Центра

Примечания

¹ "Все течет" 1979 год, г.Кельн. "Германия, маленькие истории" 1989 год, г.Кельн.

² Интервью автора с С.Ваксманом, г.Николаев, август 1998 год.

З А Р Х І В І В

Протистояння особистості політиці нацистського геноциду

Істотними для розуміння й пояснення поведінки євреїв під час німецько-румунської окупації Вінницької області у 1941-1944 рр. є, вважаємо, ряд обставин. По-перше, в радянській Україні ще задовго до Другої світової війни єврейська громада фактично припинила своє існування. Тому на Вінничині її члени увійшли в гетто не як представники цілісної, чітко організованої системи, а як порізані радянські євреї, здебільшого позбавлені уявлення про традиційно-єврейський спосіб життя. По-друге, значна їх частина була лояльною до більшовицького ладу, а молодь і діти отримували виховання в радянських навчальних закладах – це пояснює масову розгубленість людей, кинутих напризволяще тією ж такою владою, якій вірили і на яку, як на джерело рятунку, сподівалися навіть до останньої миті життя. По-третє, особлива беззахисність місцевих євреїв перед нацистами зумовлена й тим, що, на відміну від решти світової єврейської спільноти, вони не були об'єктивно поінформовані про дійсне ставлення гітлерівців до єврейства.

Слід зауважити, що депортовані з Бессарабії, Північної Буковини та Румунії євреї зберегли риси общинної організації життя, почувалися впевненіше й відокремлено від євреїв-подолян. Іноді між одними й другими не було взаєморозуміння і єдності в діях.

В документах розділу більшою чи меншою мірою відображено вплив вищезгаданих чинників на поведінку євреїв, яким довелося залишитися на окупованій Вінничині. Проте це саме можна спостерігати й у решті документальних джерел книги. Підставою для виділення зібраних тут документів в окремий розділ послужило те, що всі вони засвідчують: опинившись віч-на-віч зі смертельною загрозою, євреї не були виключно покірною, аморфною масою – чимало з них опиралися нацистам, і, хоч опір був на рівні рішень і вчинків осіб, їх вибір впливав на досить великі групи людей, зафіксувався в пам'яті народу. Ми можемо це стверджувати, оскільки аналіз документів, особливо свідчень тих, хто був очевидцем і учасником визначальних для долі євреїв краю подій 1941-1944 рр., дозволяє зробити певні висновки щодо мотивації вибору, форм індивідуального протесту, причин видимої покори і внутрішньої нескореності представників переслідуваної гітлерівцями нації.

Віразно простежується часто вирішальна роль особистісних рис людини як для їх окремих носіїв, так і для великих груп – у даному випадку щодо реалізації кожної можливості порятунку. На відміну від німецької зони окупації, де метою було тотальне знищення всіх євреїв, життя в більшості гетто, колоній і поселень румунської зони окупації було більш організованим і соціально орієнтованим, що знайшло відображення в документах румунських адміністративних окупаційних органів – Дирекції праці губернатора Трансїстрії та Дирекції шляхів. З цих організацій надходили вказівки до всіх префектур і примарій (районів) румунської зони окупації. У Вінницькому облдержархіві є, зокрема, фонди префектур повітів Могилева (Ф.Р2966), Тульчина (Ф.Р2888), Джугастру (Ф.Р2988), підпорядкованої Балтській префектурі Бершадської примарії (Ф.Р2317). Тут, а також у фондах підпорядкованих примарій містяться документи про соціальні, культурні, релігійні проблеми в гетто румунської зони окупації. Джерелами важливих даних є й фонди районних надзвичайних комісій (Ф.Р1683), колекція спогадів та свідчень колишніх в'язнів гетто й концтаборів (Ф.Р6022) і особистий фонд автора (Ф.Р6121). На підставі документів, що зберігаються в них, окреслюються умови життя¹ місцевого і депортованого єврейського населення зони: в період із серпня 1941-го по зиму 1942-го р. тут загинули тисячі євреїв. За зразком "вирішення єврейського питання" на німецькій території окупації, їх знищували німецькі айнзацкоманди "Д" та румунські жандарми – під час просування фронту влітку 1941-го (тоді розстріляли мешканців Жабокрича, Томашполя, Чернівців та інших містечок). На шляхах евакуації, у місцях первинного зосередження депортованого населення, по таборах і в гетто люди помирали з голоду, від побиттів, від інфекційних хвороб – у Бершадському таборі-гетто від голоду й тифу померло 13120 чол., в Ободівці (нині Тростянського р-ну) – 11 тис., в Печерському таборі-гетто – 9450 чол.², в Шаргородському – 8000, Могилів-Подільське гетто втратило 6 тис. чол., 1000 депортованих євреїв загинуло у Вільшанці Крижопільського району. Знищили практично всіх євреїв, взятих нібито тимчасово з Могилів-Подільського, Печери та інших таборів і гетто головним чином для будівництва шляхів у німецькій зоні

окупації. Навіть вдалі втечі на румунську територію не завжди означали порятунок – німці намагалися повернути втікачів (далі йтиметься про трагедію браїлівських втікачів, яка підтверджує цю тенденцію). Німці не погоджувалися з надмірним, як вони вважали, лібералізмом румунських союзників щодо євреїв. У листі до служби безпеки рейху від 14 січня 1942 р. імперський радник Фрідріх Шмідт доповідав: "Румунський уряд на своєму кордоні, який знаходиться в 35 км від Вінниці, зібрав 60000 євреїв. Ці євреї становлять вкрай небезпечну силу ворожого шпionажу й саботажу, а також є розповсюджувачами епідемій та інфекційних захворювань..."

Необхідно краще охороняти кордон або запропонувати румунському уряду так вирішити єврейське питання, як це робиться в німецькій зоні (шляхом розстрілу – Ф.В.), або віддалити євреїв від кордону".

Проте здебільшого на території, підпорядкованій румунській адміністрації, дотримувалися правила – євреїв масово не розстрілювали. І навіть певним чином дбали про їх виживання, або, точніше кажучи, не забороняли його. Наприклад, у Могилів-Подільській примарії існував комітет єврейської праці, який сприяв забезпеченню працюючих євреїв харчуванням, в'язням гетто видавалося по 2 кг пинти на кожного члена сім'ї; збереглися документи про деякі інші аспекти економічного життя – скажімо, патенти на кустарне виробництво по Копайгородському гетто тощо.

Гетто Трансїстрії мали можливість користуватися підтримкою Міжнародного Червоного Хреста, "Джойнту" і єврейської громади Румунії, особливо після поразки німецьких армій під Сталінградом, тобто з початку 1943 року. У фонді Могилів-Подільської районної управи збережено квітанції грошових переказів і списки одержувачів грошової допомоги. В Бершадському гетто існували єврейські лікарні та аптека, була лікарня і в Могилів-Подільському гетто, де, незважаючи на відсутність медикаментів, лікарі Ісаак Бланк, (?) Глейзер, фельдшер (?) Вательман врятували від голодної смерті і висипного тифу багатьох євреїв.

На території Трансїстрії були створені Бершадський, Брацлавський, Могилів-Подільський, Мурафський, Соколовський, Тиврівський, Шаргородський єврейські дитячі будинки. Певний час вони функціонували й після війни під назвою спецдитбудинків. Дітям-сиротам, правда, лише депортованим з колишніх румунських земель, була надана змога евакуюватися. Так взимку 1943 року дітей та підлітків з Бершадського дитячого будинку евакуювали по лінії Міжнародного Червоного Хреста через Румунію до Палестини.

Відносно стерпні умови існування у вказаних гетто були налагоджені за участі їх керівників. У Могилів-Подільському гетто комітет депортованих³ євреїв очолював адвокат (?) Данилов, місцевих – (?) Давидзон. Особливої уваги заслуговують постаті керівників Жмеринського та Шаргородського гетто.

Унікальною в плані збереження внутрішньо-общинних зв'язків і притаманної традиційному єврейському побуту духовності була модель Жмеринського гетто, розташованого на території повіту Могилів. Інструкція щодо організації гетто датована жовтнем 1941 року – тоді було зібрано євреїв зі Жмеринки та сіл Жмеринського району. Один із основних пунктів документу приписував, що гетто матиме начальника, відповідального за дисципліну й порядок, для підтримання яких організує єврейську поліцію. Шефом гетто румунська влада призначила буковинського єврея з Чернівців Адольфа Гершмана, 1899 року народження. Він був доктором права, освіту отримав у Відні. Гетто почало функціонувати з 18 листопада 1941 року, і з перших днів його існування доктор Гершман зумів налагодити контакт з начальником румунської жандармерії Йонеску (подейкували про їхнє знайомство ще з Віденського університету) – тут Гершманові стало в нагоді досконале знання німецької та румунської мов.

Безсумнівно, життя навіть у більш-менш пристосованих для цього умовах Жмеринського гетто було щоденним випробуванням і несло смертельну небезпеку для всіх його мешканців. Так, одразу після створення гетто й оголошення наказу № 12⁴, румунські окупанти по-звірячому закатували зубного лікаря (?) Меламуда. Його труп повісили на воротах Іванівського провулку, почепивши табличку з написом: "Страчений за вихід

Продовження на стор.4

Продовження, початок на стор. 3

з гетто без перепустки й розпізнавального знака. Та й легальний вихід за огорожу міг обернутися на трагедію. Багато в'язнів гетто були зайняті обслуговуванням вокзалу.⁵ Якось у лютий мороз німці послали групу виконати дрібний ремонт покрівлі, а потім не дозволили їм зійти донизу – так вони й загинули. Знаючи, що інструкція про дотримання режиму в гетто наказувала розстрілювати осіб, які порушать визначений порядок режиму, а разом з ними ще 100 євреїв гетто, д-р Гершман, за свідченням очевидців, завжди чекав біля воріт, аж поки останній мешканець із тих, що працювали поза територією гетто, не повернеться. Наведений факт переконує в небайдужості ставленні Гершмана до збереження життя євреїв, у тому, що він відчував особисту за це відповідальність. Шеф зобов'язував заможних допомагати бідним. Так, сім'я Штенберг щодня готувала котел супу й котел другої страви для бідних та втікачів. А таких було чимало. Вінничину розійшлися чутки, що в Жмеринці євреїв не вбивають, і сюди потягнулися люди з усього краю, в тому числі й ті, які врятувалися від акцій знищення на німецькій території, солдати, які втекли з німецького полону, – для них і для дітей-сиріт тут організували безкоштовну їдальню. Одного разу в гетто прийшов обдуртий, голодний, посинілий від холоду чоловік – він виявився актором і розповів, що неподалік у містечку переходяться артисти Віденської єврейської оперети (очевидно, їх знали з Чернівців). Доктор Гершман прийняв трупу до себе, згодом на виступи театру приходили потай навіть німці та румуни. У святні й суботні дні приміщення клубу перетворювалося на синагогу. Серед молившихся, часто покликаний до Тори, був Адольф Гершман, убраний в талес.

Медико-санітарний відділ Жмеринського гетто під особистим контролем Гершмана домогся того, що тут, незважаючи на скученість проживання, не було жодного випадку висипного тифу, суворо дотримувалися вимог санітарії. Гетто мало єврейський дитячий садок, школу-десятирічку. З цього приводу варто згадати висловлену в "Чорній книзі" думку про те, що соціальне й культурне життя в гетто було ідейним протестом проти зведення людей на рівень біологічного існування, а духовність і розумова діяльність, підтримувані культурними людьми⁶, часто ставали передумовами для зачаткування бойового опору. Саме так сталося у Жмеринському гетто: тут під керівництвом учителя Арона Гефтера діяла антифашистська підпільна група, що входила до складу Жмеринської районної антифашистської підпільної організації "Радянські патріоти".

Зрозуміло: для восьми тисяч євреїв, яким вдалося врятувати життя значною мірою завдяки особистим якостям д-ра Адольфа Гершмана, його образ був і буде для їх близьких символом мало не святої людини. Водночас багато представників вінницького єврейства вважають його зрадником і вбивцею невинних людей. Вони звинувачують Гершмана в тому, що, на вимогу румунських та німецьких властей, він видав 250 втікачів з Браїлівського гетто (містечко у 8 км від Жмеринки на німецькій території). Їх було розстріляно в Браїлові у квітні 1942 року. Припускаємо, що Гершман не наважився протистояти цій вимозі, оскільки в разі відмови смерть могла чекати і на нього, і на інших мешканців гетто. Проте коли німецькі солдати, румунські жандарми й українські поліцейські влаштували облаву на браїлівських євреїв, він одразу почав клопотатися, щоб німці дозволили хоча б нагодувати заарештованих. З ідальні несли великі каструлі з супом в сарай, де сиділи браїлівчани, а в порожніх виносили звіди дітей – старалися врятувати якомога більше. Не тільки ця трагічна подія стала фатальною для д-ра Гершмана – були невдоволені серед тих євреїв-втікачів з німецької зони окупації, яких він відмовився прийняти до переповненого гетто. У свідченнях про нього відіто як суперечливі оцінки його особистості й вчинків, так і відокремленість, ізоляціонізм місцевого єврейства по відношенню до депортованих одновірців. Нерідко сам факт приналежності до тих, хто прибув з неарадянської території, був достатньою підставою для осуду й несприйняття. Колишній в'язень Жмеринського гетто Наум Монастирський за суджує Гершмана, бо він був чужим, а не радянським євреєм. Є свідчення, у яких припускається, що втікачів з німецької зони окупації приймали до Жмеринського гетто лише за умови щедрої винагороди з боку тих, хто шукав тут порятунку. Поряд маємо цілковите заперечення фактів вимагання Гершманом плати золотом та іншими коштовностями. Для відтворення реальної картини варто мати на увазі, що, найвірогідніше, Гершман платив румунським владним особам, аби вони запліщували очі на перебування в гетто втікачів з німецької зони окупації, а кошти для цього брав у тих, хто, на його думку, був заможнішим. Причиною відмови декому після квітня 1942 року могло служити й те, що німці силоміць забрали переховуваних у Жмеринці браїлівчан і розстріляли їх, а цю трагедію, судячи з показань лікаря Ларисі Бурштейн, шеф Жмеринського гетто болісно пережив. Можливо, відмовляли й через те, що гетто було перенаселене. А втім, тих, кого не приймали до Жмеринки, відправляли досить безпечними каналами в інші гетто румунської зони – Мурафське й Шаргородське.

Суперечать одне одному показання свідків щодо обізнаності Гершмана в справах підпільної групи гетто і його ставлення до діяльності антифашистів. Згадуваний вище Н. Монастирський вважає, що до порятунку євреїв у гетто були причетними лише жмеринські євреї, лідери общини Йосиф Юкеліс та [?] Трахтенберг; що община без відома д-ра Гершмана

допомагала підпільній типографії, діючому партизанському загоні (сюди передали перев'язувальні матеріали, запаси продовольства та зимового одягу). А Євгенія Лехтман (Гельфанд) згадує, що Гершман добре знав про те, що підпільна група Арона Гефтера слухала й розповсюджувала зведення Радінформбюро, і сам жваво цікавився новинами. Зі свого боку ми вважаємо вагомим доказом порядності й мужності Адольфа Гершмана дані на допиті 9 листопада 1944 року в справі звинувачення останнього в пособництві німецько-румунським окупантам свідчення колишньої голови правління єврейської общини Жмеринського гетто Йосифа Юкеліса, який безпосередньо підлягав Гершманові й знав про нього дуже багато: "Я думаю, що Гершман не мог скрыть проживающих в гетто браиловских евреев, так как все евреи, прибывшие из Браилова в гетто, были записаны как браиловские, а Гершман представлял списки жандармерии на всех евреев, проживающих в гетто. Мне известно, что начальник гетто Гершман просил заместителя начальника румынской жандармерии Егорова оставить браиловских евреев в Жмеринке, но жандармерия на это не согласилась и Гершману удалось добиться, чтобы оставить часть евреев-специалистов... В гетто скрывалось около 400 чел. военнопленных, бойцов и командиров Советской Армии еврейской национальности, были также люди, сочувствующие и помогающие партизанам. Я это знаю точно, так как они прибыли к нам в гетто в военной форме и я выдавал им одежду для замены военной формы на гражданскую". Слідчих же НКДБ і військовий трибунал НКВС переконали свідчення, спрямовані проти Адольфа Гершмана, як наприклад, показання Соломона Зінштейна: "Думаю, что Гершман знал, с какой целью от него требуют списки браиловских евреев румынская жандармерия... Гершман угваривал людей выйти к месту сбора на площади, заверяя в том, что ничего не произойдет и что это проводится очередная проверка жителей гетто. Лично я тоже спрашивал его, идти ли мне на площадь. Он ответил, что нужно идти с женой и с ребенком..."

Гершман мав також можливість не заносити всіх браїлівських євреїв в списки. Он мог большую часть людей таким образом спасти, однако он занес в списки всех, не скрыв ни одного человека. Гершман произвел учет всех браиловских евреев – список был передан в румынскую жандармерию, по этому списку немцы потребовали передать им проживающих в Браилово евреев." Шефа єврейського гетто в м. Жмеринці Адольфа Гершмана визнали винним в пособництві німецько-румунським окупантам і 18 грудня 1944 року військовим трибуналом НКВС присудили до розстрілу.

Високо оцінюючи такі риси Адольфа Гершмана, як пошана до віри предків, почуття відповідальності, внутрішня дисциплінованість і мудрість, ми, безумовно, пам'ятаємо про трагедію виходу на розправу браїлівчан. Одним з найімовірніших пояснень рішення д-ра Гершмана видати німецькій владі втікачів з Браїлова вважаємо його бажання дотримуватися законів пікуах нефеш, які, відображаючи високу значущість для іудаїзму людського життя, все ж забороняють рятувати його ціною вбивства інших невинних людей. Незважаючи на суперечливість сприйняття особистості Адольфа Гершмана, його вплив на формування сильних характерів був очевидним, як очевидним є порятунок тисяч людей завдяки зусиллям і особистим якостям д-ра Гершмана⁷.

(Далі буде)

Фаїна Винокурова,
історик-архівист, заступник директора
Державного архіву
Вінницької області

Примітки

¹ Докладніше про це йтиметься в кн. "Євреї Вінничини в період Другої світової війни...", т. 1.

² Зауважимо, що ця цифра є значно применшеною, оскільки Надзвичайна Державна Комісія тут не враховує депортованих євреїв, загинлих під час втечі з табору, а також тих, котрих німецькі адміністративні органи забрали з Печери на ремонтно-будівельні роботи і потім знищили.

³ В гетто румунської зони окупації, зокрема в місцях зосередження депортованих євреїв, саме з їх середовища призначалися начальники гетто або старости.

⁴ Наказ категорично забороняв мешканцям гетто виходити в місто без перепустки й розпізнавального знака.

⁵ Станція Жмеринка перебувала під німецькою владою. Адольфові Гершману вдалося перекопати румунського коменданта міста, що, поки людина жива, вона мусить їсти, і німецький начальник залізниці платив євреям дві марки за роботу в нічну зміну і по одній – за денну (Ф.Р6121, оп. 1, спр. 9, арк. 21).

⁶ Згадує колишній неповнолітній в'язень Ободівського табору гетто Ілля Пінчевський: "Очень важно отметить, что в Ободовском лагере функционировала еврейская община. Потихоньку отмечались праздники..."

І ще був в гетто хедер, где нас учили идиш, русскому и математике. По вечерам моя мама занималась со мной дополнительно, я учился читать по книгам, сохранившимся у Петровских ("Вести". 1998. 20 апр. – Израиль). Такі спогади виявляють істотне значення духовного й культурного життя для формування світогляду дітей і осягнення ними ціннісних орієнтирів.

⁷ Ряд спогадів і свідчень про єврейське гетто м. Жмеринки і, зокрема, про його шефа будуть опубліковані в кн. "Євреї Вінничини в період Другої світової війни...", т. 1.

Холокост еврейских общин Крыма в документах ГААРК

Продовження, початок див. в № 1, квітень 2002 р.

По аналогічному плану (створення общинної структури – реєстрація – сбор – расстрел) були в течение ноября-декабря 1941 г. уничтожены евреи других городов Крыма.

Из примерно 17000 евреев, проживавших к июню 1941 г. в сельской местности, в еврейских колхозах, эвакуироваться смогли и успели около 50% [1]. Большинство из оставшихся были уничтожены как на местах, так и после транспортировки в районные центры. Акты районных комиссий и свидетельские показания говорят о широком участии в этих акциях коллаборационистов – старост, сельских полицейев, осуществлявших содействие не только в уничтожении, но и в поимке скрывавшихся в сельской местности евреев и передаче их в немецкие карательные органы. В еврейских колхозах реализация «окончательного решения» затянулась на полгода – до июня 1942 г. По-видимому, это было вызвано хозяйственными интересами оккупантов: кроме евреев, некому было обработать и засеять землю.

В месте наиболее компактного проживания евреев-колхозников – **Фрайдорфском** районе (ф. Р-1289, оп. 1, д. 12) – они были уничтожены в ноябре 1941 г. Происходило это так: в деревню прибывал автомобиль с отрядом карателей. Евреев всех возрастов собирали и сгоняли к глубокому колодцу на окраинах деревни, там же расстреливали, туда же сбрасывали трупы (детей часто бросали живыми). В **Лариндорфском** районе (ф. Р-1289, оп. 1, д. 13) сразу же после прихода оккупантов все евреи были взяты на учет, у них были отобраны продукты питания. В отдельных деревнях района евреев уничтожали до лета 1942 г. Так, в деревню Калинидорф (ныне с. Калинино), по показаниям свидетелей, в июне 1942 г. прибыла немецкая автомашина, из нее вышли офицеры, «у которых на груди были орлы и жестяные бляхи, на бляхе – череп» [2]. Всех евреев созвали в школу, от школы погнали к колодцу, где расстреляли.

Все приведенные материалы приводят расстрел как способ уничтожения людей. Однако два документа из этого фонда называют и другой – с применением «душегубок». В конце января 1942 года, говорится в акте комиссии Симферопольского района, в Первомайский сельсовет прибыл отряд гестапо и СД из Симферополя. С помощью старосты деревни и его сына собрали колхозников-евреев, остальных жителей деревни под страхом смерти запретили выходить из своих домов. На домах евреев еще перед акцией были нарисованы черные кресты с надписями «юда». Вместе с отрядом карателей прибыла специальная машина с большим черным закрытым кузовом и черной дверцей сзади, закрывавшейся герметически. В эту машину через дверцу вталкивались собранные евреи и наглухо закрывались. «При каждом рейсе автомашины, отъезжав полкилометра от населенного пункта, останавливалась на 20–30 минут, мотор продолжал работать, затем автомашина отъезжала к полузаброшенному полевому колодцу <...>, куда сбрасывались трупы, нагруженные в автомобиль» [3]. Второй случай применения «душегубок» в практике уничтожения мы находим в протоколах опросов свидетелей расправы с карасубазарскими крымчаками, происходившей в середине января 1942 г. [4]. Кроме того, у палачей существовал еще один способ умерщвления, весьма специфический, применявшийся ими при расправе с детьми. Смазывание губ сильнодействующим ядом упоминают документы Керченской и Фрайдорфской комиссий [5].

Во всем комплексе документов Чрезвычайной комиссии имеется лишь один документ, касающийся попытки спасти обреченных их соседями-неевреями. Это свидетельские показания гражданки Зайка Ю.З., арестованной летом 1943 г. по обвинению в укрывательстве еврея в пос. Сейтлер. Женщина поплатилась за свое человеколюбие: в тюрьме ее избивали, затем «<...> повесили на груди и спине табличку с надписью «несу кару за сокрытие иуды». С такой табличкой полицейский с нагайкой водил ее по улицам поселка» [6]. Надо заметить, что, возможно, мы и имеем сегодня это единственное свидетельство лишь благодаря необычайно «мягкому» наказанию, которому подверглась эта женщина – за укрывательство евреев обычно казнили.

Следующие два фонда из ГААРК, имеющие отношение к рассматриваемой нами теме, – фонды оккупационного периода. Это фонды **«Керченская городская управа»** (фонд Р-1457, 67 дел) и **«Феодосийская городская управа»** (фонд Р-1458, 9 дел). Как видно из названий, это комплексы документов, характеризующих, в основном, различные стороны хозяйственной деятельности коллаборационистов – городских властей Керчи и Феодосии – в довольно узкой временной промежутке, с начала оккупации до освобождения этих городов керченско-феодосийским десантом в конце декабря 1941 г. Объем фондов невелик, многие дела сформированы из россыпи, представляются крайне фрагментарно. Среди прочих материалов, здесь хранятся распоряжения и приказы немецких властей и городских управ, касающиеся евреев. Это, прежде всего, объявления о регистрации, о сборе, а также антисемитские плакаты, расклеивавшиеся по городу. Более подробно Холокост отражен в документах феодосийского фонда. Один из документов – справка о крещении Нудельмана Бориса Ефимовича во Всесвятской церкви Феодосии 20 ноября 1941 г., датирована 29 ноября 1941 г. (напомним, сбор евреев в Феодосии был назначен на 1 декабря, справка попала в горуправу, следовательно, была предъявлена там с определенной целью и может характеризовать попытки несчастных обреченных людей найти хотя бы какие-то средства к спасению) [7]. После ликвидации евреев Феодосии осталось пустовать много квартир – в письме городского головы Грузинова в фельдкомендатуру содержится запрос о разрешении

на заселение еврейских квартир и выдаче ключей от них [8]. Еще один документ содержит сведения о количестве зарегистрированных на начало декабря 1941 г. в Феодосии жителей города с указанием национальной принадлежности, в том числе евреев (831) и крымчаков (449) [9]. Поголовное истребление евреев и крымчаков лишило хозяйство необходимого количества квалифицированных рабочих рук, что вынудило городскую управу Феодосии выступить с необычным ходатайством перед германским командованием – об освобождении от явки на пункт сбора 12 декабря 1941 г. девяти крымчаков-ремесленников (список их прилагался) [10]. Осуществляя по заданию нацистов подготовку к ликвидации «расово неполноценных», городские власти Феодосии, вероятно, рассылали в различные подотчетные учреждения требования о предоставлении сведений о национальной принадлежности сотрудников. Косвенное подтверждение тому – «Список сотрудников еврейской национальности» [11], представленный заведующим лечебно-санитарным отделом горуправы, а также письмо, адресованное им главврачу феодосийской поликлиники с требованием о предоставлении «в срочном порядке» сведений о нацпринадлежности сотрудников его учреждения [12]. Вероятно, в предчувствии беды некоторые люди пытались обезопасить себя от возможных последствий явки на сборный пункт путем предъявления там каких-либо документов, свидетельствующих об их профессиональной востребованности. Видимо, так можно интерпретировать удостоверение, выданное лечебно-санитарным отделом горуправы Тревогода Берте Иосифовне «в том, что она есть действительно врач туберкулезного диспансера при городской поликлинике и работает там с мая 1940 г.» [13] (документ был выдан 11 декабря 1941 г., то есть накануне сбора крымчаков на Сенной площади).

Большой интерес вызывает фонд **«Канцелярия немецкого коменданта Керченского порта»** (фонд Р-1465, 2 дела). Это одна из немногих групп документов немецкой стороны, хранящаяся в ГААРК и иллюстрирующая тесное взаимодействие армии и айнцакоманды в ходе «окончательного решения». Одно из дел в фонде содержит списки на немецком языке о евреях Керчи, с указанием имен и адресов, а также записки с персональными сведениями, которые были написаны и сданы некоторыми евреями города накануне их расстрела [14].

Необходимо охарактеризовать еще один комплекс документов. Это фонд **«Комиссия по истории Великой Отечественной войны»** (фонд П-156, 248 дел), хранившийся до 1991 г. в Крымском областном партийном архиве, а затем переданный в ГААРК. Крымская комиссия по истории АОВ была создана решением обкома ВКП(б) от 23 апреля 1944 г., ликвидирована в июне 1947 г. Целью работы комиссии являлся сбор материалов о работе подпольных организаций и партизанских формирований в Крыму, свидетельских показаний мирных жителей об оккупационном режиме, немецком рабстве. Некоторые дела содержат информацию о различных аспектах Холокоста на полуострове. Это рассказы евреев, переживших Холокост, где-либо прятавшихся, скрывавших свое происхождение, или свидетельства неевреев – очевидцев антиеврейских мероприятий. Они имеют вид авторских статей, очерков, воспоминаний, записанных сотрудниками комиссии и порой прошедших литературную обработку. Их авторы описывают свои переживания, восприятие событий геноцида, добавляют немало подробностей к картине Катастрофы, которых лишены официальные документы.

«Солдат должен понимать необходимость жестоко покарать евреев, этих духовных носителей большевистского террора, и еще в зародыше подавлять все восстания, возбудительными которых, в большинстве случаев, оказываются евреи» [15]. Это фрагмент из секретного циркуляра №2379/41 от 20 ноября 1941 г., подписанного командующим 11-й армией фон Манштейном. Этот отрывок иллюстрирует характерный для гитлеровской пропаганды тезис о нераздельности понятий «еврейство» и «большевизм» применительно к советской территории, свидетельствует о тех мерах, которые применялись немецким командованием для психологической обработки рядовых вермахта с тем, чтобы приучить их безнаказанно убивать мирное население, и приводит к выводу, что германская армия разделяет с СС всю ответственность за истребление евреев.

В этом же деле хранятся объявления, листовки, плакаты немецких оккупационных властей, многие из которых имели влияние на судьбу крымского еврейства. Из авторских статей и очерков, воспоминаний очевидцев прямое отношение к событиям Холокоста имеет рассказ об уничтожении крымчаков Феодосии, автор которого – к.и.н. Вольфсон – привел немало деталей событий 12–13 декабря 1941 г. Повествование заканчивается так: «Жившие вблизи колхозники рассказали, что, как только раздали первые выстрелы и крымчаки убежились, что попались в ловушку, толпа обреченных села на землю и начала петь свои древние песни. В таком положении они и были убиты» [16].

Наиболее информативны в качестве источников по истории Холокоста в Крыму некоторые из «Дневников жителей Крыма периода оккупации» [17]. Они ценны тем, что содержат информацию о событиях геноцида «из первых рук», зафиксированную непосредственно после того, как эти события происходили, и поэтому не подвергшиеся, как правило, редакторской правке или позднейшей автоцензуре (что происходило с другой группой источников – воспоминаниями). Здесь можно обнаружить впечатления жителей Керчи о расправе с крымчаками в июне 1942 г. и об участии в этом местного населения, жительницы Ялты о гибели ее мужа-еврея от

Продовження на стор.6

Продовження, початок на стор.5

рук окупантов и тяжелейших препятствиях, которые ей пришлось преодолеть для спасения сына – ребенка от «смешанного брака». Свообразным шедевром – по широте охвата разных сторон жизни в оккупации, по остроте описываемых переживаний – является многостраничный дневник Х. Г. Лашкевича, изобразившего события Холокоста с позиции не постороннего наблюдателя, а непосредственного участника событий, человека, втянутого в их водоворот, терявшего и пытавшегося спасти близких людей. Вместе с тем, нельзя не заметить некоторую тенденциозность его позиции, в частности, в вопросе о месте и роли различных этнических групп в событиях периода оккупации. Возможно, такая направленность его тексту была придана позднее, уже после освобождения полуострова и депортации крымских татар, на стадии редактирования дневника – и таким он сохранился в фонде Комиссии по истории ВОВ.

Не менее важны «Воспоминания жителей Крыма о фашистском оккупационном режиме», сгруппированные в четыре дела (ф. П-156, оп.1, дд. 37-40). Один из этих документов – стенограмма беседы с библиографом Е. Е. Гопштейном, жителем Симферополя, которого в течение всего периода оккупации прятала русская женщина, преподаватель математики В. В. Максимова [18]. Рассказчик оставил подробные сведения обо всех этапах недолгой при окупантах жизни симферопольских евреев: о появлении в городе дискриминационных приказов и реакции на них горожан, создании Еврейского комитета, его составе, функциях, эксплуатации его окупантами, о регистрации еврейского населения Симферополя (приведенная им численность – 12000 человек), о грабежах евреев нацистами, о сборе евреев и сопутствовавших этому слухах. Сам Е.Е. Гопштейн не повинился приказу о явке и тем самым спас свою жизнь, позднее укrywшись у знакомой. Далее он описывает облавы, которых ему удалось избежать, приводит поступавшие к нему в укрытие сведения о событиях в городе [19]. Его сообщения подтверждаются воспоминаниями другого пережившего Холокост – И.И. Сироты, также опрошенного сотрудниками комиссии. Различие их рассказов обусловлено тем, что И.И. Сирота явился на сборный пункт, однако ему удалось спастись во время массового расстрела 13

декабря, и он подробно описал события, происходившие с евреями после их сбора и вплоть до последних мгновений жизни многих людей [20].

(Далі буде)

Михаил Тяглый,
историк, представитель Центра в г.Симферополе

1. ГААРК, ф. Р-137, оп.9, д.7, л.5.
2. ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.13, л.9.
3. ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.1, л.90.
4. ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.11, л.8.
5. ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.12, л.14об.
6. ГААРК, ф. Р-1289, оп.1, д.15, л.37.
7. ГААРК, ф. Р-1458, оп.1, д.4, л.44.
8. Там же, л.108.
9. Там же, л.122.
10. ГААРК, ф. Р-1458, оп.1, д.5, л.114. Видимо, исключительно ввиду «нужд городского управления» это ходатайство было удовлетворено. В 1998 г., будучи интервьюером Фонда исторических видеодокументов «Пережившие Шоа», автор записал рассказ сына одного из значившихся в списке, поведавшего, как его семья и восемь других семейств были неожиданно освобождены из здания городской тюрьмы, избежав таким образом участи оставшихся.
11. ГААРК, ф. Р-1458, оп.2, д.1, л.48.
12. Там же, л.49.
13. Там же, л.41.
14. ГААРК, ф. Р-1465, оп.1, д.1.
15. ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.24, л.1.
16. ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.34, л.18.
17. ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.31.
18. ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.37, лл.71-96.
19. Опубликованную стенограмму беседы с Е.Е. Гопштейном см. также: Неизвестная Черная Книга: свидетельства очевидцев о Катастрофе советских евреев (1941–1944). – Иерусалим–М.: Яд Вашем, 1993, с. 345–367.
20. ГААРК, ф. П-156, оп.1, д.40, лл.112-126.

З А Р Х І В І В

Документы Катастрофы в Государственном архиве
Ивано-Франковской области

Станиславская область /переименованная в декабре 1962 г. в Ивано-Франковскую/ была образована в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР 4 декабря 1939 г. Тогда же был создан Исторический архив Станиславской области.

В соответствии с Положением о государственных архивных фондах СССР от 29 марта 1941 г. Областной исторический архив г. Станислава был переименован в Станиславский областной государственный архив. В нем были сосредоточены документальные материалы, складывавшиеся в процессе деятельности учреждений, организаций и предприятий, которые существовали на территории области в период господства Австро-Венгерской монархии и Польши.

К началу Великой Отечественной войны в Станиславском областном государственном архиве было сконцентрировано большое количество документальных материалов. Во время временной оккупации западно-украинских земель немецко-фашистскими захватчиками большая часть хранившихся в архиве документальных материалов была разграблена. Оставшиеся в архивохранилище документы были приведены в хаотическое состояние.

После освобождения Станиславской области в июле 1944 г. началась работа по концентрации и научной обработке документальных материалов с целью их лучшего использования в интересах государства и науки. В восстановленном Областном государственном архиве Станиславской области были собраны документальные материалы за период с 1752 по 1990 год. Там сосредоточены документальные материалы местных органов государственной власти, органов местного самоуправления, советских учреждений, организаций и предприятий, учреждений культуры, народного образования, здравоохранения, а также материалы фольклора, природоохранения, географии, документы, рассказывающие о развитии промышленности, сельского хозяйства, литературы и искусства, народного образования, медицины Прикарпатского региона. В государственном архиве Станиславской области собраны также документальные материалы о грабеже и злодеяниях немецко-фашистских окупантов в годы оккупации 1941-1944 гг.

Во время советской власти, вплоть до 1990 года эти документальные материалы считались секретными и были недоступны исследователям. Эти материалы до сих пор еще слабо вовлечены в научный оборот.

Речь идет о документальных материалах, хранящихся в Государственном архиве Ивано-Франковской области из фондов Р-37, Р-57 /Директи-

вы, циркуляры, распоряжения оккупационных властей дистрикта Галиция за 1941-1944 гг./, фондов Р-46 оп. 2-3, Р-49, оп. 1 /Львовский апелляционный суд за 1941-1944 гг./, фонды Р-39, Р-40, Р-41 и Р-60 /директивы и циркуляры окружных старост дистрикта Галиция за 1941-1944 гг./, фонды Р-41, оп. 1, Р-42, оп. 2 /Циркуляры Снятинской волостной управы/, фонды Р-56, оп. 1 /Коломыйского окружного школьного инспектората/ и другие.

Представляют интерес для исследователей фонды Р-36, оп. 1, Р-37, оп. 2 /Периодические отчеты Станиславского окружного старосты об экономическом положении в округах за 1942-1943 гг., о росте численности больных и смерти в округах от тяжелого труда и недоедания/. Определенный интерес для исследования политики окупантов имеют статистические ведомости окружных и волостных управ о количестве засеянной земли, росте налогообложения крестьянских хозяйств /Р-41, Р-43/ 1942-1943 гг., о росте численности больных и смертей в округах от истощения, недоедания и частых расстрелов мирных жителей сел и городов дистрикта Галиция.

Для тех, кто исследует Холокост еврейского населения Прикарпатья важно изучить статистические материалы окружных и волостных управ о значительном сокращении промышленных учреждений, сокращении засеянной земельной площади, росте налогообложения крестьянских дворов /фонды Р-41 и Р-43/, личные дела служащих окружных управ, старост, учителей школ и служащих полиции.

Для исследователей Холокоста особо важное значение имеют документальные материалы Областной комиссии содействия Чрезвычайной Государственной комиссии по учету причиненного ущерба отдельным организациям и учреждениям, и, что самое важное – учет злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками мирному населению области, собранные в фонде Р-98.

Важно напомнить, что Станиславская область была оккупирована сначала венгерскими войсками в начале июля 1941 г. В отличие от немецких окупантов они не позволили ни своим военно-служашим, ни местным погромщикам издеваться и мордовать евреев. В конце июля, в соответствии с договоренностью между немецкими и венгерскими военными властями, последние передали захваченные ими районы Восточного Прикарпатья под оккупацию вермахта.

Продовження на стор.7

Продовження, початок на стор. 6

1 и 2 августа немецкие воинские части овладели всем Прикарпатьем, городами Станиславской области, в том числе г. Станиславом. В этом городе находилось тогда около 40 тыс. евреев, в том числе более 10 тысяч беженцев из Генерал-губернаторства, Чехословакии и Германии. Как только в город вошли немецкие части вместе с особыми частями айнзацкоманды 4а из айнзацгруппы «С», которой командовал штандартенфюрер Раш начались погромы евреев.

Первую акцию уничтожения Станиславских евреев провела в первые же дни августа прибывшая в город группа гестаповцев во главе с Гансом Кригером. Об этом рассказывается в документах фонда 98, дела 1, 2, 3, 5 и др. В этой первой акции истребления еврейской интеллигенции Станислава активное участие принимали начальники местного гестапо Г. Кригер и его помощники: унтерштурмфюрер Бранд, обершарфюреры Шотт, Тауш, Дауст, Миллер, Маурер и комендант местной полиции Штреге / фонд 98, оп. 1, д. 1, п. 17/. Акцию убийства еврейских интеллигентов они провели таким образом: 2 августа пригласили еврейскую интеллигенцию на беседу по поводу устройства каждого из них на работу. 3 августа к 10 часам утра в помещении местной полиции, где разместилось гестапо, пришла большая группа еврейских учителей, врачей, юристов и другие. Когда они вошли в помещение гестапо, на них набросились гестаповцы и эсэсовцы и начали избивать их в чем не повинных людей до смерти. Избитых и искалеченных людей вывели во двор и расстреляли. Кого не успели убить в этот трагический понедельник, посадили в камеры, где держали без пищи и воды несколько дней, затем всех арестованных вывезли в лес возле села Павелче и расстреляли. Об этом рассказали очевидцы этих событий и сами пойманные палачи.

В Заявлении членов еврейской общины г. Станислава, переживших Катастрофу на имя Чрезвычайной Комиссии по расследованию зверств и злодеяний оккупантов в период их временного господства от 23 ноября 1944 г. записано: «К началу немецко-фашистской агрессии против Советского Союза на территории Станиславской области проживало около 300 тыс. евреев. Приблизительно одна треть из них успела эвакуироваться вместе с уходом частей Красной Армии. В г. Станиславе и других городах области осталось около 200 тыс. еврейского населения. Они с самого начала оккупации подверглись грабжам и убийствам со стороны оккупантов и их пособников. Первыми жертвами немецко-фашистских разбойников и их сообщников стала еврейская интеллигенция. В одном только Станиславе в течение первых недель господства оккупантов было убито по нашим проверенным данным 142 врача, учителей – 425 человек, инженеров – 68, юристов – 135, фармацевтов – 76, ветврачей – 28, художников – 9, писателей – 7, музыкантов и артистов – 27, служащих с

высшим образованием разных учреждений – 1750, служителей культа, в том числе раввинов – 180 человек. За несколько недель было убито 2865 человек интеллигентных профессий /см. ГАИФ Области, Фонд Р-98, оп. 1, д. 1, л. 8-9/.

В делах Фонда имеются акты, составленные Комиссией по расследованию грабж и зверств оккупантов.

В АКТЕ № 1, составленном в г. Станиславе 25 января 1945 г. Комиссией под председательством главы Городского Совета депутатов трудящихся А. З. Шагохина, секретаря комиссии В. Ю. Шполянкой, зав. горздравом А. Бабич, прокурором города Станислава С. Ципко и еще 6 гражданами города записано: «С июля 1941 г. немецкие войска, захватив город, сразу же приступили к проведению погромов над еврейским населением путем расстрелов невинных людей, повешением, сжиганием и издевательствами над людьми».

Дикие зверства захватчиков продолжались с первого дня оккупации города до освобождения его 27 июля 1944 г.

«За период оккупации города Станислава и Станиславской области были замучены, расстреляны, заживо погребены, задушены в душегубках 127352 человека. Выше названные зверства были совершены в такие дни: 3 августа 1941 г. была арестована большая группа еврейской интеллигенции. Их всех расстреляли в тот же день. Среди убитых были профессор А. Розенблюм и известные в городе врачи К. Клайн, С. Виттельс, Я. Штерн, С. Когане, М. Гишшадт, М. Райнерт и многие другие.

С 3 по 11 августа в городе были арестованы в облавах 2860 евреев. Их вывели за город и расстреляли. Расстрелы и убийства продолжались на протяжении сентября и было убито около 5000 евреев г. Станислава и близлежащих местечек. 12 октября 1941 г. немецко-фашистские убийцы провели массовую казнь еврейского населения. На еврейском кладбище расстреляли более 12 тыс. человек. Акции массовых расстрелов продолжались на протяжении последних месяцев 1941 г. в январе-феврале и марте 1942 г. За это время было убито свыше 3000 чел. Массовые расстрелы евреев г. Станислава и окрестных местечек продолжались в апреле и начале мая. За эти 37 дней было убито около 3500 евреев, а с 7 мая до начала июня 1942 г. было казнено в лагерях принудительного труда Станислава и Тысьменицы 600 евреев».

По подсчетам очевидцев и членов Комиссии с начала мая до конца августа 1942 г. было убито на месте и депортировано в лагерь смерти Белжец около 38 тыс. человек.

Несколько тысяч евреев было убито немецкими бандитами и их пособниками в сентябре, октябре, ноябре и декабре 1942 г.

(Далі буде)

Яков Хонигсман,

профессор, доктор экономических наук (г. Львов)

ГОЛОКОСТ І УКРАЇНА

Сколько евреев было истреблено в Киеве осенью 1941 г.?

Проблема гибели евреев Киева в годы нацистской оккупации, трагедия Бабьего Яра являются одними из самых сложных, контраверсионных в истории Холокоста, на украинских землях. Количество погибших, места убийств, этнополитическая ситуация в оккупированном Киеве, роль коллаборационистов в акциях уничтожения, а также другие аспекты судьбы киевского еврейства в период войны вызывают достаточно острые дискуссии среди ученых как в Украине, так и за рубежом. Мы публикуем материал известного исследователя данной проблематики д-ра Александра Круглова. Возможно по предложенной теме захотят изложить свою позицию наши коллеги-историки, историки-архивисты, которые уже не первый год занимаются исследованием в области истории Холокоста, и взгляды и позиции которых отличаются от мнения д-ра А. Круглова. Мы будем рады опубликовать также их материалы. Центр планирует выпуск научного сборника документов, а также в перспективе серию источниковедческой литературы по истории Холокоста на украинских землях. Поэтому нам, безусловно, важно не только собирать и структурировать архивные материалы по истории Холокоста на Украине, но и также определять, насколько это представляется вероятным, их подлинность и объективность. И в этом мы надеемся на помощь наших коллег – исследователей истории Холокоста на Украине. В таком случае Центр сумеет готовить достаточно академические и научные источниковедческие работы по данной проблематике.

* * *

На вопрос о том, сколько евреев было истреблено в Киеве осенью 1941 г., до сих пор однозначного ответа нет. Оценки количества жертв разными исследователями колеблются от 34 тыс. до 150 тыс. В связи с этим исследование событий в Киеве в конце сентября – начале октября 1941 г. по-прежнему имеет актуальное значение. Ниже автор данной статьи на основе анализа, обобщения и систематизации известных, малоизвестных и неизвестных фактов предпринимает попытку реконструировать эти события и ответить на вопрос, вынесенный в заглавие статьи.

Согласно переписи 1939 г. в Киеве проживало 224 236 евреев. В связи с тем, что немецкие войска заняли город почти через три месяца после начала войны, значительная часть евреев смогла эвакуироваться, в то время как военнообязанные мужчины были призваны или добровольно вступили в армию.

К моменту захвата города уже действовал приказ о поголовном истреблении евреев в оккупированных районах Советского Союза. Как правило, этому истреблению предшествовали такие промежуточные шаги, как регистрация, концентрация, изоляция, метка евреев. В Киеве подобные предварительные мероприятия не проводились: резкое обострение обстановки в городе спустя несколько дней после его захвата побудило оккупантов «решить еврейский вопрос» ускоренными темпами.

Последовательность событий, которые привели к уничтожению оставшихся евреев, была следующей:

19 сентября, пятница:

Части 71-й, 75-й и 99-й пехотных дивизий 29-го армейского корпуса 6-й армии занимают Киев.

Штаб 6-й армии издает два приказа об обращении с населением города. Согласно первому приказу, поскольку многие красноармейцы переоделись

в штатскую одежду, должны быть арестованы все мужчины и проверены с помощью украинских осведомителей. Второй приказ уточнил: аресту подлежат только те мужчины, которые подозреваются в том, что «путем переодевания в штатскую одежду уклонились от пленения как русские солдаты». Проверка должна быть строгой, «особенно в отношении тех, кто уже внешне обнаруживает азиатские отличительные черты» [1].

75-я пехотная дивизия издает приказ об использовании евреев на работах по расчистке и разминированию [2].

В город прибыла передовая команда (50 человек) зондеркоманды 4а во главе с оберштурмфюрерами СС Хэфнером и Янссеном.

20 сентября, суббота:

Взлетела в воздух киевская штабеля. При этом погибли артиллерийский командир (полковник генштаба барон Ганс-Генрих фон Зейдлиц унд Голау) и его штаб.

В город прибыли: начальник тыла 6-й армии (корюк 585) генерал-лейтенант Иеско фон Путткаммер; до убийства 23 сентября в Борисполь, он исполнял обязанности городского коменданта, фельдкомендатура 195 во главе с генерал-майором Куртом Эберхардом (с 24 сентября – городской комендант).

29-й корпус издает приказ о запрете движения гражданского населения в город и из него [3].

21 сентября, воскресенье:

95-я дивизия на основании указаний 6-й армии издает приказ о «контроле мужского населения Киева», который предусматривал помещение всех мужчин призывного возраста в специальный лагерь для проверки;

Продовження на стор. 8

Продовження, початок на стор. 7

это должно быть сделано в ходе неожиданной акции утром 22 сентября. Приказ предусматривал допрос арестованных офицерами разведки и украинскими осведомителями; «лица, которые обоснованно подозреваются в том, что они солдаты в штатском, партизаны или освобожденные преступники, далее евреи» должны быть отправлены в транзитный лагерь военнопленных (дулаг 201)[4].

Соответствующий приказ 75-й дивизии предусматривал передачу комиссаров и «освобожденных преступников» СД. Выполнение приказа все же было отложено из-за нехватки сил для этого мероприятия, прежде всего подходящих осведомителей, которые еще только набирались и проверялись[5].

В город прибыли: из Ново-Украинки – передовая команда штаба оперативной группы Ц под руководством оберштурмфюрера СС д-ра Кригера; из Житомира – передовая команда украинской полиции (18 человек из числа сторонников С. Бандеры) во главе с Б. Коником[6]; из Житомира – начальник зондеркоманды 4а штандартенфюрер СС Пауль Блобель (Блобель был в Киеве и 22.09., затем вернулся в Житомир).

22 сентября, понедельник:

29-й корпус (отд. Іц/Кв.) на основе указаний 6-й армии от 19.09.41 издает приказ «об обращении с мужским населением Киева призывного возраста», который дополнительно содержит специальный пункт об аресте евреев-мужчин. В этот же день корпус (отд. Іа/Іц) издает приказ об «очистке города от взрывных устройств и мин», в котором указывается, что «для проведения опасных работ по расчистке... следует привлекать евреев из дулага» (транзитного лагеря военнопленных)[7].

На улицах, у водонапорных колонок, в садах происходит избивание евреев [8].

Начинаются аресты «подозрительных» штатских и евреев.

23 сентября, вторник:

Командир 29-го корпуса и начальник киевского гарнизона генерал Ганс фон Обстфельдер проводит совещание с подчиненными шестью командирами дивизий, на котором были окончательно пересмотрены изданные ранее приказы в отношении мужского населения Киева. Патрули должны арестовывать не только уже указанных лиц, но прежде всего евреев-мужчин; евреи и пленные должны быть назначены на работы[9].

На основании этих указаний дивизии издают соответствующие приказы подчиненным подразделениям.

Продолжаются аресты «подозрительных» штатских и евреев. 99-я дивизия (генерал Штеммерман) в районе своего командного пункта несколько раз арестовывала не только евреев-мужчин, но и «подозрительных еврейских женщин», которые были переданы СД. Эта дивизия также расстреляла двух евреев, которые были «накрыты» при попытке совершить поджог. О ходе арестов дивизия сообщала: «Арест часто производился по доносам штатских. При этом следовало проявлять большую осторожность, так как часто оказывалось, что такие доносы производятся только из-за личной неприязни и т.п. Поэтому всегда был необходим подробный допрос. Постоянные жители часто чувствовали себя в опасности из-за наплыва совершенно чужих людей и сообщали об этом. При этом было установлено, что речь идет в основном о евреях с фальшивыми паспортами... Их неоднократно ловили во время актов саботажа. Таких людей отд. Іц был вынужден немедленно передавать СД»[10].

В город прибыла украинская «казачья сотня» (сторонники С. Бандеры) под командованием И. Кедюмича [11].

(Продолжение следует)

Александр Круглов,
кандидат философских наук (г. Харьков)

1. Arnold K. J. Die Eroberung und Behandlung der Stadt Kiew durch die Wehrmacht im September 1941: Zur Radikalisierung der Besatzungspolitik// Militargeschichtliche Mitteilungen 58 (1999), S. 50.

2. Arnold K. J. Op. cit., S. 51, Anm. 170.

3. Arnold K. J. Op. cit., S. 53, Anm. 184.

4. Arnold K. J. Op. cit., S. 50.

5. Ibidem.

6. Левитас Ф. Євреї України в роки Другої світової війни. Київ 1997. – С. 93.

7. Staatsarchiv Nurnberg, Bestand KV-Anklage usw., Numbg. Dok. NOKW 1323.

8. Черная книга. О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941-1945 гг. Составлена под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. Киев 1991. – С. 23.

9. Arnold K. J. Op. cit., S. 51.

10. Ibidem.

11. Левитас Ф. Євреї України в роки Другої світової війни, с.93.

ЄВРЕЙСЬКИЙ ОПІР

КАК ОВЦЫ НА ЗАКЛАНІЕ?

Закінчення, початок див. в № 1, квітень 2002 р.

И это было уже после Сталинграда, после падения Муссолини, после высадки союзников во Франции, в то время, когда русские войска стояли за Вислой. Даже подпольщики пасуют перед тотальным террором, даже восстанию нужна надежда. Ему необходимы ресурсы, возможность для маневра. По всей Европе миллионы людей, превращенных в рабов, безропотно принимали свой удел до тех пор, пока не появились благоприятные для сопротивления условия.

Евреи же были в бесконечно более тяжелом положении, чем все остальные поработанные немцами народы. Да, евреев было несколько миллионов. Но они не имели своего угла и жили разбросанно по разным городам и селениям Европы, изолированные друг от друга государственными границами. Когда в ту или иную страну входила немецкая армия, не только разрушалась вся структура еврейского самоуправления, но и евреи лишались элементарных человеческих прав. Они объявлялись вне закона и отдавались на расправу не только немцам, но и местному населению: полякам, украинцам, литовцам, латышам, венграм, румынам. Практически вся Европа обезумела от ненависти и кровожадности. И в центре этой оргии оказался народ, лишенный национального руководства и военных традиций. Каждая община столкнулась с безграничной жестокостью врага, будучи в полной изоляции. Особенно в Восточной Европе, где концентрация евреев была велика, они не могли найти сочувствия у почти полностью нацифицированного населения.

Тот, кто задумал что-то предпринять против оккупантов (а возможны были только отдельные акты сопротивления), должен был учесть ужасные последствия своего поступка. За ликвидацию одного эсэсовца могли заплатить жизнью сотни и даже тысячи ни в чем не повинных мужчин, женщин, детей. Поэтому тот, кто был готов к акту мщения, не мог осуществить его по моральным соображениям.

Ханна Арендт в своей известной книге пытается решить ту же проблему, как и К.Шабтай, она указывает на неправомерность вопроса «Почему евреи не сопротивлялись?». Ведь ни один поработанный нацистами народ в тех же условиях не вел себя иначе. Легко найти ответ, если попы-

таться представить себе, например, голландских евреев, которых арестовали в отместку за нападение на отделение немецкой службы безопасности в старом еврейском квартале Амстердама. Четыреста тридцать человек были замучены до смерти в Бухенвальде и Маутхаузене. В течение месяцев они умирали тысячу раз, и любой из них мог позавидовать своим братьям в Освенциме. Есть много вещей гораздо страшнее смерти, а эсэсовцы – признанные специалисты в этих делах.

Довольно долго евреи не могли поверить в то, что существуют крематориях правдивы, что существует народ, который мог замыслить чудовищный план беспощадного уничтожения другого народа. К тому же нацисты скрывали от обреченных, куда направляются везущие их через всю Европу составы. Только в лагерях люди осознали, что отсюда нет выхода, и их охватывало беспредельное отчаянье. Не нужно забывать, что для узников гетто и лагерей жизнь иногда была хуже смерти. Множество людей мечтали о смерти как об избавлении. Они шли на смерть «как овцы» не из трусости, а из отвращения к тому, во что нацисты превратили их жизнь. Их гибель – это приговор цивилизации, в которой жизнь могла быть низведена до такого уровня. Евреи в лагерях были сломлены до такой степени, что перестали осознавать свое положение. Их смертельная апатия ничего общего не имела с трусостью. Учитывая все это, нельзя не согласиться с выводом К.Шабтая: «Правда состоит в том, что вопрос почему они шли на смерть как овцы нужно поставить по-другому. Вместо того, чтобы спрашивать «Почему они восстали?» или «Почему восстание началось так поздно и почему сопротивление было слабым?», нам следует спросить: «Если все обстоятельства были против нас, против любой возможности самозащиты, если целые мощные армии терпели поражение, если враг объединялся с местным населением, чтобы стереть нас с лица земли, если мы чувствуем, что Бог вступил в заговор с человеком, чтобы уничтожить нас, если наши умы и сердца были парализованы голодом, смятением и ужасом, если офицеры, комиссары, подготовленные солдаты шли на смерть без единого слова, как же тогда объяснить, что у нашего народа хватило еще веры и воли на то, чтобы противостоять врагу?»

Партизан-пулеметчик Исаак Перчатников (за гашеткой)
(С.Елисаветский "Полвека забвения", Киев, 1998 г.)

пению, что перестали осознавать свое положение. Их смертельная апатия ничего общего не имела с трусостью. Учитывая все это, нельзя не согласиться с выводом К.Шабтая: «Правда состоит в том, что вопрос почему они шли на смерть как овцы нужно поставить по-другому. Вместо того, чтобы спрашивать «Почему они восстали?» или «Почему восстание началось так поздно и почему сопротивление было слабым?», нам следует спросить: «Если все обстоятельства были против нас, против любой возможности самозащиты, если целые мощные армии терпели поражение, если враг объединялся с местным населением, чтобы стереть нас с лица земли, если мы чувствуем, что Бог вступил в заговор с человеком, чтобы уничтожить нас, если наши умы и сердца были парализованы голодом, смятением и ужасом, если офицеры, комиссары, подготовленные солдаты шли на смерть без единого слова, как же тогда объяснить, что у нашего народа хватило еще веры и воли на то, чтобы противостоять врагу?»

Продовження на стор.9

Продовження, початок на стор. 8

Ведь в гетто все-таки существовало движение Сопротивления и вспыхивали восстания. Из какой скалы высечен этот народ?».

Даже безгласное знакомство с фактами показывает, что Шабтай прав. Мы знаем о восстании в Варшавском гетто. Были акты сопротивления и в других гетто и во многих городах и еврейских местечках. Евреи отчаянно дрались практически голыми руками в Вильне, Белостоке, Лемберге (Львов), Кракове, Бендине, Радине, Бродках, Клецке, Тырнове, Гродно... Восстания произошли в Трешлине, Освенциме, Собиборе. Сколько еще героических попыток остались неизвестными, ибо все участники и свидетели погибли? Совершенно случайно, из письма, переданного польскому рабочему, мы знаем, что еврейские узники подожгли лагерь в Кунине. Все они погибли. Последние из оставшихся в живых заключенных лагеря в Шавне напали, безоружные, на своих конвоиров. Большинство пали в неравном бою с нацистами.

Существовало также обширное еврейское партизанское движение. Нечего говорить, что еврею очень трудно было убежать из гетто и почти невозможно – из концентрационного лагеря. И все же побеги случались. За пленниками не только гнались немцы и полиция, их могло выдать местное население. Даже в лесах их убивали польские партизаны – антисемиты. Только тем, кто приходил с оружием и без семьи, удавалось присоединиться к более или менее дружелюбно настроенной партизанской группе. Несмотря на это в Восточной Европе действовали еврейские партизанские отряды, многие из которых прославились особой отвагой и героизмом.

И в гетто и лагерях отмечены бесчисленные индивидуальные акты сопротивления и самопожертвования. Невозможно назвать безымянных героев. Да и список тех, кто известен, очень и очень длинен.

Евреи в гетто и лагерях смерти отличались еще и таким проявлением героизма, которое вряд ли может быть оценено по стандартам цивилизации, собственно говоря, породившей Освенцим. Речь идет о специфически еврейском самопожертвовании, которое на иврите называется *кидуш а-Шем* – освящение имени Бога. Народная память сохранила рассказы о многих таких случаях. Упомянем некоторые из них. Евреев Пристка немцы собрали на рыночной площади. Среди них находилась старуха восьмидесяти лет. Ее голова была покрыта, как это предписано религиозным законом. Эсэсовец палкой сдернул платок, и он упал на землю. Женщина нагнулась, чтобы поднять его, проявив таким образом неповиновение. Ее избили, но она все же подняла платок и покрыла голову. Снова, тем же способом, голова ее была обнажена. Она опять нагнулась, ее еще раз избили. Так повторялось до тех пор, пока эсэсовцы не взяли верх.

Свидетель рассказывает о таком эпизоде в Майданеке. Женщину двадцати шести лет приговорили к повешению за попытку побега из люблинского аэропорта, куда ее с сестрой пригнали на работу. Сестре удалось скрыться. Великолепный майский день. Посреди плаца стоит виселица, вокруг собрали заключенных. Эсэсовец пытается выведать у пленницы, кто помог ей бежать. «Евреи не выдают своих товарищей» – слышит он в ответ. «Посмотри, все смеются над тобой, – говорит немец. – Ты красива. Одно слово может тебя спасти. Ведь мир так прекрасен». «Сегодня вы смеетесь, завтра будут смеяться над вами», – сказала женщина. Это были ее последние слова. Прав был Рингельблюм, когда писал: «В эту войну еврейские женщины впишут немало славных страниц в еврейскую историю».

Типичный случай произошел с Арье Шефтелем. В войну он был подпольщиком в Вильнюсском гетто. Его жена, по профессии бактериолог, через своих друзей, польских врачей, была связана с польской националистической организацией Армия Крайова. Ее обещали переправить к партизанам вместе с мужем и сыном. Но Арье Шефтель отказался вступить в Армию Крайову, поскольку знал, что ее бойцы – отъявленные антисемиты. Жена и сын не захотели оставить родного человека ради собственного спасения. Позже, когда гетто установило связь с партизанами, бежать в леса предложили Арье Шефтелю, но одному, без семьи. На сей раз Шефтель не согласился бросить на произвол судьбы жену и сына.

СПОГАДИ**1942 рік**

Цей матеріал – спогади про трагічну долю мешканців містечка Бібрки, що на теренах Львівської області під час нацистської окупації, люб'язно надав нам п. Ілля Кабанчик, викладач Львівського національного університету, представник Центру у м. Львові.

* * *

Спогад страхітливих ран, які сколихнули місто Бібрку в 1941 році, коли за мурами більшовицької в'язниці знищено в жорстокій формі безвинних людей, ще не погас в пам'яті, як над містом запанувала фашистська сваволя із своїми озвірілими знаряддями смерті. Ох, якими доречними тут є слова знаменитого філософа Руссо «Створив Бог людині на землі рай, а вона своїми руками перетворює його в пекло». За потоком, від Сохацької долини, аж до другого мосту спорудили фашисти людське пекло і назвали його гетто. Позволили сюди цілі жидівські сім'ї з Перемишляна, Стриліща, Свіржа, обгородили територію кільчастим дротом, поставили дві вишки для сторожів, обліпили бляшаними табличками «Ейнтрой ферботен» і «шлюз» – любуйтеся, люди добрі, на страждальне пекло.

Вспомним историю Януша Корчака, выдающегося педагога, директора еврейского приюта в Варшаве. Когда немцы забирали детей, он пошел вместе с ними на смерть, хотя эсэсовцы и не принуждали его к этому.

Как повели себе три выдающихся раввина Варшавы: Менахем Земба, Давид Шапиро и Шимшон Стокхаммер? Дни гетто были сочтены. По каким-то таинственным причинам католическая церковь в Польшу вдруг решила спасти последних оставшихся в живых раввинов Варшавы и переправить их за пределы гетто. Раввины собрались, чтобы обсудить это предложение. Долгое время все молчали. Наконец поднялся рабе Шапиро: «Я здесь самый младший, поэтому то, что я скажу, ни к чему вас не обязывает. Мы хорошо знаем, что больше ничем не сможем помочь нашим братьям. И все-таки, если мы их не оставим до самого конца, им будет легче. Это последнее, что мы еще можем дать оставшимся в живых евреям. Я просто не могу покинуть этих несчастных людей». И раввины отклонили планы спасения. Выжил лишь один из трех.

Так вели себя многие простые евреи. После освобождения выжившие чувствовали себя виноватыми перед теми, кто навсегда остался в гетто. Один из таких людей писал: «Я хотел бы искупить грех выживания, грех возвращения к жизни».

Побуждения этих евреев не были бы поняти «информированным» профессором Беттельгеймом. Ведь, на его взгляд, все они погибли бесполезно, во имя ненужных в этой ситуации моральных ценностей. Семье Шефтель следовало расстаться, тогда хоть кто-нибудь бы уцелел. Корчак поступил глупо, пожертвовав жизнью неизвестно зачем. Варшавские раввины должны были бежать, а не сидеть как связанные утки, ожидая расправы. Но как мало информирован профессор о системе еврейских ценностей, о принятых в нашей среде нравственных нормах! Для многих евреев верность моральным принципам оказалась важнее сохранения жизни. Сотни тысяч еврейских матерей добровольно пошли со своими детьми в газовые камеры, отказавшись от жизни, которую им давала селекция! Но цивилизации, создавшей царство гетто и лагерей смерти, не понять этих проявлений героизма.

Есть одна причина, по которой евреи и неевреи пытаются исказить факты о поведении евреев под властью нацистов: нечистая совесть. Как мы уже говорили, исследуя Катастрофу, правомеее спросить «Где был человек?», а не «Где был Бог?». Участие Всевышнего в историческом процессе – сложная теологическая проблема, а вот участие в нем человека в качестве носителя морали видно невооруженным глазом. Опыт гетто и лагерей смерти показал бесконечное падение человека как морального существа. Поступки, обусловленные этическими побуждениями, были редкостью, особенно в Восточной Европе. Физически это была Катастрофа европейского еврейства, но с точки зрения духа это была общемировая Катастрофа человечества. В крематориях сгорели не только шесть миллионов евреев, но еще и претензии Запада на то, что он является этической цивилизацией. Освенцим ознаменовал собой последнюю ступень моральной деградации западной цивилизации. Неприятно смотреть правде в глаза. И если обвинить евреев в трусости, может быть, поведение других народов не будет выглядеть столь позорно? Это простой способ найти козла отпущения. Но, увы! Запад не станет лучше оттого, что попытается загрязнить память еврейских мучеников. Или из пепла этой войны возникнет что-то новое, или человечество приближается к своему концу. Освенцим – последнее предупреждение человеческой расе.

Другое дело – нечистая совесть евреев. Несомненно, Освенцим еще раз доказал, что евреи – особый народ. Как это уже много раз бывало, судьба евреев являлась индикатором морального уровня человечества. В этом и заключен смысл избранности народа Израиля Богом. Если еврей с этим не согласен, ему приходится, по сути, согласиться с тем, что нет большой разницы между убийцами и их жертвами. Еврей, отрицающий Тору и союз с Богом, приходит к клевете на мучеников Катастрофы, чтобы найти для себя более удобное (в психологическом смысле) место на разлагающемся Западе.

Элизер Беркович
«Вера после Катастрофы»

<http://www.machanaim.org/il/philosof>

Так звана «жидівська вулиця», з «прожилками» довжиною близько 500 і шириною 100 метрів перетворилася в справжнє місце мук, страхотливих видовищ і знецінення людської гідності. Тюремні мури поглинали б у собі усе божевілля, а тут усе на очах. Увесь «Дантівський ад» застогнав у повний голос. Кожна мить, кожна година, кожен день посилювали драматизм пекельного театру надлюдських знемагань.

Щодня до схід сонця двохколісний візок, запряжений трьома чоловіками, підбирав знесилених, які тягучись до життя, гинули на кільчастих дротах, труни, що їх колісниця смерті під стукіт дрібних камінців і скрип пересохлих шприх перевозила в спільну могилу у східній частині гетто. Без почестей, без лементу, без ритуального трауру, в мовчазній приглушеній ході виконувались чинства.

Повільно, немовби з'яви уві сні, пересувались з місця на місце опухлі істоти, чекаючи свого неблаганного кінця, і тільки діти час від часу підбігали до кільчастого огорожі, випрошуючи в зайшлих кусень хліба.

Біль стискає серце. Слухаючи лемент дітей, хотілося допомогти їм, хоч в самих було скрутно, бо не вродило. Охорона з вишок тільки стежила з націленими скорострілами, наводючи страх. Здалеку через

Продовження на стор. 10

Продовження, початок на стор.9

дріт перекинеш яблуко чи бульбінку, як тут накидаються міцніші і вивирають один одному з рук, щоб якось затамувати голод.

Заглядаючи здалеку через дрого, бачив знайомі обличчя – з тим ходив до школи, з тим сидів на одній лавці за книжками, до того ішов в склеп щось купити, а от там на лавці сидить Цойта – і думаєш, за що ж то ті люди так страшно терплять? Що вони поганого зробили? А от якби я був на їхньому місці, якби я вродився жидом – то щось не те! – мусить бути, якась Божа кара на тих, хто таке натворив. І сонце однаково усім світить, не питає, хто ти, і пташки усім співають. А найголовніше є те, як можна людей, які по природі такі самі як всі, мають ті самопочуття що й усі, нищити тільки за те, що вони іншої нації. Я думаю, що хтось таке чинить, то не людина, це напевно, диявол зійшов на землю і творить свої диявольські ритуали.

А розум в дитячій уяві бунтувався. Осінь, люд метушиться на полях, щоб зібрати крихти, які де-не-де залишились. Дні ліново повзли, залишаючи згустки смутку за собою.

Здавалося, невидима рука зупинила життя – над містечком висів меч постраху і туги за світлістю.

Куди не глянеш, все видавалось нікчемним, не гідним життя. Гнітючий настрій людей проявлявся у праці і стосунках між собою. Два відмінні полюси існування не вписувалися в русло життєвих потреб горожан. Апатія до всього живущого настільки вверчувалась у свідомості, що такі поняття, як смерть, страх за життя, трупи на вулицях ставали звичними. Люди зачерствіли, на подвір'ях не чути сварок, дітям немовби відібрано право веселитися, сміятися. Одним словом, фашистська психологічна машина спрацювала, помаленьку народ перетворювався у стадо інертних сків.

Порив відчайдушного фатуму сколихнув людський стогін і дотиком музи, посланої силами неба, дихнув добротою на втрачені ілюзії.

Не вірилось. В містечко приїхав танцювальний гурт Чуперчука. І понісся стрімкий танець легенів, і заискрились топірці надії, в душах людських пробудився вогник життя. Кремезні плечі велетня стрягнули з себе окупи пригніченості, полуда зла зсунулась з мужніх очей. Та підступний ворог запримітив піднесення духу і, боячись гніву народного, привів адську машину зла до стану найвищої жорстокості.

Осіннього дня 1942 року містечко оточили сили гестаповців і через гучномовники оголосили, що ніхто не сміє покидати місто, а хто порушить наказ, буде розстріляний. Містечко завмерло!!!

Тисячі озброєних до зубів кремезних жовнів готовились до «акції». Видавалось, що військові готуються до штурму неприступної кріпості. На горизонті з'явилися танки і танкетки, центр містечка заповнився вантажними машинами. Час від часу повітря роздирали голосні прикази офіцерів.

Близкавично група жовнів другим кільцем оточила гетто. Цокання «фершлюсів» нагадувало лайку гончих псів і крякання ворон. На мить все втихло, через гучномовник засірач зловіщий звук: «Чоловікам, жінкам, дітям, старикам і тим всім, які можуть рухатися, вишикуватися на круглій площі гетто, біля синагоги! Хто не вишикується, буде тут же на місці розстріляний». Заглядаємо через стрихові вікна, серце зі страху прискорило свій хід, вивираючись з груди. Трагічна невідомість висвердлило свій відбиток і паралізує рухи людського тіла. Ноги і руки налиплися свинцем і ускладнюють здатність рухатися, голос затремтів. Лавина людей повільно почала зливатися в одне ціле, вивозаючи з підвалів, криївок, творячи сцену Бехтовського «Егмонт». Патетичний стан глумливого Божевілья перебував гострим елементом грудних дітей і завивання псів. Неразом в двері стукає гестаповець, мати тремтячими руками відчиняє їх.

На порозі застовпів міцної будови вояка із закоченими рукавами, в руках він тримав автомата.

Питає його мати: «Вас воллен зі? – (що ви хочете)? – «Трінкен вассер – (напитися води)», – відповідає.

Подала йому мати горняток води і питає «Вас іст дас? (що то є)». І тут раптом ламаючо польською мовою він відповідає: «По полудно бандзе вечур (по полудні буде вечір)» – і пішов. В тих коротких словах було сховане ставлення до людинаєнависницької політики фашизму – приїде час і на вас. Заревіли мотори, і машина за машиною під шум «шнель», «шнель», заповнювались людьми. Їх під конвоем вивозили за п'ять кілометрів від міста, під хутір Черепин, де біля цвинтаря була заздалегідь вирита великих розмірів яма для розстрілу. Раннім ранком того дня пастухи виганяли товар: одні в Дубину, інші в Соснину, треті на Обшир, а четверті на Стежки. Сонце виповзло з-за Свізької гори, ніжно визбируючи роси, залишаючи сріблясті сліди на павутинні бабиного літа. Жаби закумкали частіше, не боячись бузків, які уже відлетіли.

Песяки, замість того щоби пильнувати стада, чогось тулились до пастухів, ховаючи хвосты під себе.

- Романе, ти замітив, як пси настовбурчились, – каже маленький Василько.

- Е, дурне тобі в голові, ти все щось зауважуєш таке, гейби мале дівчицько. Настовбурчились, бо голодні, дай їм кусень хліба і перестануть, – відповідає Ромко.

Витяг Василько торбинку, відшмагав кусень хліба і кинув Бровкові, той і не ворухнувся на здобич, спокійно відійшов і жалісно завив. Пастухів це насторожило.

- Щось то не те, щось мусить статися, – подумав Ромко. Зібрав він всіх пастухів, сіли на межу і тут почувся стогін моторів. Зірвалися хлопці з місця і очам своїм не вірять: від сторони Шпильчини на гостинці появились вантажні машини, набиті військом в чорних мундирах.

Позганяли пастухи товар в обрив, пов'язали корів до дерева, самі тихче, так, щоб ніхто їх не побачив, попрямували в сторону наїзничів. Найстарший з них Роман, угледівши біду, зупинив хлопців і каже:

- Ви тут сидіть, пильнуйте товар, а я вийсно, в чім річ. І пішов в сторону Загуменьок. Не встиг він відійти півкілометра, як перед ним розвернулися вояки в одну шеренгу і почали оточувати місто. Зрозумів Роман тільки те, що якнайскоріше треба вертатися до хлопців і попередити їх, щоби нікуди з яру не виходили, тримаючись купи. Під Стрілківський ліс, між хутором Черепин і селом Волове під'їжджають дві машини, повні якихось людей. Хлопці розібрала цікавість, один за одним підповзли вони ближче до того місця, де щойно привезли людей. Поховались вони в густій траві і тут нарешті зрозуміли, в яку біду попали.

На віддалі 200-300 метрів шеренга жовнів, вбраних в чорні мантілі, позалягала в траві, поставила біля себе кулемети, і один з них наказав, щоб ті люди копали рів.

Повертатися назад до корів небезпечно, замінять і, постріляють. Притулившись один до одного, залишилися вони на своїх місцях ніким не зауваженими. А сталася чудовищна трагедія на їх очах – на очах дітей, з яких найстаршому було всього 12 років.

Трагедія трагедій, трагедія, наслідки якої закарбувалися в серцях дітей на ціле життя. Ось як розповідав перестрашений Ромко своїм родичам. Цвинтарна дорога від шосе аж до лісу обставлена гештапівцями, мов плотом. Під'їжджає машина, набита людьми, чутні крики «гальт!». Відкриваються зразу три борти машини і криками «форвац!» усіх людей женуть до цвинтаря вгору. Тут оточує їх зграя і заставляє усіх роздягатися догола. Усе лахміття з людей кидають на одну купу; у матерів відбирають малих дітей і в круглій, чорній машині відвозять в сторону Перемишлян через лісову дорогу.

Чутні жажливі крики жінок. Після цього вискакують гештапівці з нагаями і заганяють голих жінок і чоловіків на дошки викладені через яму. Роздається свист, в ту хвилину з кущів, дерев роздаються вистріли кулеметів. Зойки поранених загострюють шалену галюцинацію стихії і завмирають зі стогоном землі. Свисток і кулеметні замовкають. Виходять четверті мордерці і окремими вистрілами з пістолетів добивають ще живущих.

І так ритмічно процедура повторюється з кожною привезеною машиною людей. Повторюється строго по спланованому акту, гідному фашистській пунктуальності.

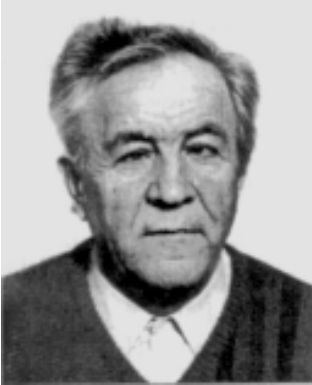
Хлопці завмерли зі страху в траві, бояться ворухнутися. Василько заплакав, сльози котяться беззвучно, щоби не було чути. Пролежали вони півдня. Десять біля полудня під'їхали машини і почали засипати рів з трупами. Засвистіли свистки, і в одну мить убивці уже на машинах. Караван машин на чолі з мотоциклістом повернувся у Бібрку. Пастухи попіднімали голови і ніяк не можуть піднятися – ноги і руки позатерпали. Гусаком один поза одного вернулись до корів. Недоєні корови почали мичати. А над горизонтом Бібрки піднялись зловіщі дими. Фашисти обляпили всі сторони території гетто бензином і підпалили. З розжарених горищ і схованок почали виповзати істоти. Кидаючись з одного боку до другого, вони ставали цілком фашистських снайперів. Все горіло!

Залишився один цілісний будинок з цегли – Шімсонів. У другій половині дня спеліли будинки з великим грохотом почали розсіпатися, утворюючи звалища непрохідних лабіринтів. Запах різкого диму розносився по всіх кутках містечка. А саме місто нагадувало роз'ярену кадильницю, засипану ялівцем. До вцілілого будинку підійшло троє мордерців, обляли його бензином, взяли в руки готовий смолоскип і підпалили останній островок життя. Полум'я охопило нижній поверх і почало всмоктуватися в стрихове приміщення, цегла від жару почала тріскати, дерев'яний ганок рухнув на траву і став на джиби, як норовистий кінь. Над спелілим гетто раптом пролунав могутньої сили страдальний крик, і через округлий отвір стіни виринула дівоча голова, а відтак одна рука. Захланне полум'я допікало останню жертву, яка попала в пастку. Рука піднялась до неба, вимагаючи помсти за скоєні злочинства. А останній островок нетлінного життя тримався, творячи дивовижної сили «живий монумент».

Схаменіться тирани! Приїде край і на вас! І на ваших потомків! Вистріль снайпер розтрощив останнє життя гетто. І потекла червона кров по білій стіні, і чорне – пречорне волосся страдально ввійлося, укладаючись в реквієм трагічної мелодії.

Звисло тіло, опали руки і все завмерло. Мордерці виїхали, а стінка трималася, не рухнула. Повний місяць бязяко зазирає на руйні згорілих сердець, спелілих тлінків і лагідним дотиком усипляв зболілі рани землі. І диво зупинилось, розквітло в повну силу над живим монументом скорботи. Мужні стомлені руки зняли останню жертву з «хреста», похоронили її на християнському цвинтарі і увіковічили пам'ять за упокій душ всіх «невинне убійних».

С.Костирка (м.Львів)

С.Костирка

ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА – НЕ РАЗМЕННОЯ МОНЕТА

(По поводу статьи Михаила Хейфеца в «Вестях» за 9 апреля «Сусленский против «Яд-Вашем»)

В 1993 г. Степан Веремчук направил в Отдел еврейской истории и культуры Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины свой машинописный материал, в котором описал свои детские годы на Волыни в период войны и оккупации.

По его данным, он, 9-летний мальчик вместе с матерью весной 1943 г. привел евреев, бежавших узников Владимир-Волынского гетто, на партизанскую явку.

Руководитель Отдела просил исследователя-историка, который должен был встретиться на Волыни с участниками партизанской борьбы, выяснить, при возможности, в какой мере изложенное С.Веремчуком соответствует действительности, узнаваем ли Степан в качестве праведника.

Написанное в основном подтвердилось. С.Веремчуку была дана положительная рецензия на присланный материал.

О дальнейшей судьбе Степана Веремчука и о последних драматических событиях в ней эта статья.

* * *

Статья бьет мимо цели. Это не конфликт энтузиаста с государственной канцелярией, это – непонятная активность известной личности, ведущая ее «не в ту степь».

Есть такой человек на белом свете – Степан Веремчук. Сейчас он живет в Израиле. В 1995 году ему было присвоено звание «Праведник мира». Весьма активную роль в этом событии сыграл Яков Сусленский. Он энергично и последовательно добивался того, чтобы бывший юный герой Степан Веремчук сделался праведником за спасение евреев из Владимир-Волынского гетто.

Иногда случается, что люди за короткое время поворачиваются в своих убеждениях, да и в действительности на 180 градусов.

Такой пируэт совершил и Яков Сусленский. Сейчас он убежден, что «Степан затеял аферу в корыстных целях», что перед нами очередная «потомок лейтенанта Шмидта».

Именно так пишет об этом Михаил Хейфец в своей статье «Сусленский против «Яд-ва-Шем», опубликованной в газете «Вести» 9 апреля этого года.

Я лично не знаком с Михаилом Хейфецом, но слышал, что он правозащитник и уважаемый в Израиле человек. Тем удивительней, что М.Хейфец взялся за перо, не владея должной информацией.

Автор написал: «Версия Сусленского показалась мне на слух гораздо убедительней, чем аргументы научного учреждения» (имеется в виду «Яд-ва-Шем» – С.Е.).

Нужно ли публиковать то, что «показалось на слух»? И почему, не пообщавшись со Степаном Веремчуком, не посмотрев внимательно документы, автор готов согласиться с версией Я.Сусленского?

Я профессионально занимался исследованием вопроса об участии евреев в партизанском движении на Украине в 1941-1944 годах. Летом 1994 года в Ковеле, на Волыни, я записал свидетельство командира взво-

да бригады особого назначения (командир – Герой Советского Союза полковник Антон Бринский) Кузьмы Ивановича Ильюка. Вот распечатка одного из фрагментов диктофонной записи свидетельства К.Ильюка: «В 1943 году на хуторе Забунда связной Веремчук (ему тогда было лет 11-12) с матерью привели ко мне во взвод 23 человека военнопленных, бежавших из лагеря, и евреев. Веремчуки служили у них проводниками из района Владимир-Волынского. Я отправил этих людей на центральную базу Бринского. Некоторые из них пополнили ряды партизан».

От Владимир-Волынского до хутора Забунда, бывшего Устилугского района, не более 20 километров. Передача развединформации шла не в отряды Конищука и Картухина на 100-120 километров, а в отряд Логинова, действовавший в лесах в районе Владимир-Волынского. Зная это, автор, по-видимому, не узрел бы ни противоречий, ни вопросов.

Я исследовал по документам и свидетельствам участников боевую деятельность бригады А.Бринского (см.: Беренштейн Леонид, Елисаветский Стер. Евреи – герои Сопrotивления. Тель-Авив, 1998, гл. 5, с. 61-66). Не нахожу существенных противоречий в рассказе Степана Веремчука. Естественно, возраст, невысокая общая культура, законная обидка, что тебя принимают за самозванца, могли сыграть какую-то роль и не прибавляют убедительности Степану Веремчуку.

Особое удивление вызывает то обстоятельство, что правозащитник Михаил Хейфец не знает, что в Советском Союзе до начала 90-х годов о Холокосте и спасении евреев нельзя было ни говорить, ни писать. Не знаю, как в этой связи оценить риторический вопрос автора: «А где же он и его мать были раньше?»

Пусть автор вместе с читателем задумается над тем, что за сорок послевоенных лет (1950-1990) в Советском Союзе не вышло ни одной книги о Холокосте, о Сопrotивлении, а одиннадцать последних – только в трех государствах СНГ (России, Украине, Белоруссии) издано до 400 книг по этой проблематике.

И не надо бросать тень на «Яд-ва-Шем», заслуженно высок в мире авторитет этого мемориала и центра. Мне представляется, что решение комиссии при «Яд-ва-Шем» относительно Степана Веремчука было обоснованным и справедливым.

Рассуждая по поводу «нормальной реакции нормального учреждения» автор намекает, что главное для «Яд-ва-Шем» – сохранить честь мундира.

Да, пересмотр затронул бы честь свидетелей и членов комиссии при «Яд-ва-Шем». Но потому, что он был бы несправедлив, непропорционален, неправеден.

Да, проверяли в «Яд-ва-Шем» Степана Веремчука, проверяли досконально. Был мальчик, который спасал евреев...

Что касается воистину неуемной энергии Якова Сусленского, то ей следовало бы найти более разумное и полезное применение.

Стер Елисаветский,
научный сотрудник Центра, профессор

Кузьма Ильюк с женой Хаей Выдрой

ПРОБЛЕМИ ВИКЛАДАННЯ

В цій рубриці ми продовжуємо друкувати матеріали наших колег – вчителів історії українських шкіл, які вже певний період вивчають самі та викладають своїм учням історію Голокосту. Марина Михайлюк – молодий педагог-історик, яка тільки-но почала знайомитися з цією проблематикою. Тому, напевне буде цікаво нашим читачам побачити її роздуми, а також уривки з праці її учня, який до речі брав участь у конкурсі творчих робіт з теми «Історія Голокосту», що проводив Центр єврейської освіти України.

* * *

Голокост – це трагедія світового масштабу, яку з людської пам'яті викреслити неможливо. Він уніс мільйони життів безневинних людей тільки тому, що вони були іншої нації. Тому вивчення його історії займає важливе місце у вихованні толерантності серед учнів. Більшість дітей, як показує педагогічний досвід, дуже агресивні і жорстокі по відношенню один до одного. Таку поведінку формує оточення і завдання школи – привити дітям почуття поваги, турботи, обов'язку. Тільки ці якості у скрутний час зможуть допомогти вижити самому і спасти іншого. Міжрелігійної і міжрелігійної ворожнечі між дітьми немає, є тільки особиста неприязнь. Але, звичайно, якщо буде зовнішній поштовх, вона може перерости у щось страшніше. Тому завдання вчителя – пояснити учням, що немає поганої нації, релігії, держави, а є особисті амбіції, протиріччя, які можуть перерости у конфлікт, а конфлікт у війну. Всім відомо, що любий конфлікт можна вирішити, було б бажання обох сторін.

Але у випадку з євреями, було все інакше. Особисті амбіції, переконання Гітлера, що євреям не місце серед німців, а потім і всьому світу, призвели до страшної трагедії. А її могло б і не бути, якщо б його «світ» вчасно зупинив. Дітям важко зрозуміти, чому саме євреїв потрібно було винищувати як націю, звідки у Гітлера і Гімлера такі страшні расистські погляди і чому майже всі німці підтримали їх. Учні постійно задають питання: як така невірноважена і жорстока людина як Гітлер, могла так довго знаходитись при владі? І чому вся Європа тримтіла перед ним? Чому погодилась на аншлюс Австрії

і захоплення Чехословаччини? Але всі знали, до чого це може призвести. Діти задають занадто дорослі питання, на які самі історики досі шукають відповіді. Ставлення дітей до Гітлера і його оточення неоднозначне. Одні вважають його негідником, інші – патріотом. Але щодо ставлення до євреїв – всі згодні, що така програма не піддається ніякій логіці. Як могли виникнути «фабрики смерті» – зрозуміти важко.

Методика викладання теми Голокосту може бути різноманітною. В старших класах відіграє головну роль постановка проблеми і її намагання вирішити. Вчитель може запропонувати вирішення наступного питання: за допомогою яких факторів став можливим геноцид і як це вплинуло на подальший розвиток єврейської культури? Окремі учні готують доповіді з даної проблематики, всі інші, по ходу уроку, задають їм питання, а потім висловлюють свою думку з цього приводу. Таким чином, журнал поповнюється десятком оцінок. Вчитель тільки підводить підсумок і проставляє відповідні акценти з використанням деяких цитат, наприклад, письменника Елі Візеля: «Не всі жертви нацизму були євреями, але всі євреї були жертвами нацизму». Потім можна запропонувати учням пояснити дане висловлювання, яке закріплює вивчений матеріал. Дуже важливим є те, як учні засвоюють дану тему, так як вона формує культуру міжетнічних відносин і власний погляд на Катастрофу.

Марина Михайлюк,
учитель історії, сш № 58

Продовження на стор. 12

Продовження, початок на стор. 11

П РАВЕДНИКИ НАРОДОВ МИРА

То, що зробили фашисти з євреями Західної і Східної Європи словами передати неможливо, – це катастрофа, рівної котрою не було в історії людства.

Ісчезло з лица землі безчисленне множество семей і общин, найбільше відомі центри єврейської культури і учености, а процес кількісного і психологічного відновлення єврейства до сих пор не завершено.

Отого би не случилось, если бы євреям вовремя протянули руку помощи. Но, увы. Большинство государств отказалось принять єврейских беженцев, и тем самым стали "молчаливыми" соучастниками в "окончателном решении єврейского вопроса".

Спасати окремих представителів великого єврейського суспільства удалось тільки "Праведникам", людям чистої душі і відкритого серця. Живя в постійній тривоги, они совершали свой подвиг. Они делали все, что от них зависело во имя спасения "другой нации". И сегодня єврейский народ искренне им благодарен. Пусть многих из них уже нет в живых, но память о них – вечна.

Вся история спасителей свидетельствует: человек всегда выше обстоятельств, он преодолевает их, противостоит им, становится выше их.

Анализируя работу можно выделить общие тенденции европейского и советского праведничества:

- 1) все они действовали на фоне непонимания и безразличия местного населения к єврейской трагедии;
- 2) рисковали своей жизнью, зная, что их ждет наказание;
- 3) спасали без всякой выгоды для себя;
- 4) оказывали помощь, рассчитывая только на свои силы и возможности, прекрасно зная о политике замалчивания геноцида євреев со стороны своих правительств.

Все праведники были разных религиозных убеждений и, тем не менее, оказывали помощь, ибо не одна религия не базируется на антигуманных принципах, а провозглашает веротерпимость. Этот аспект хорошо прослеживается в деятельности А. Шептицкого, турецкого консула С.Ульмумена (греко-католика и мусульманина) и семьи Глаголевых (православных).

Конечно, многое зависело от занимаемой должности спасителя. Дипломатам и чиновникам было проще это делать, нежели простым людям. У дипломатов была неприкосновенность, в худшем случае их выслали из страны, а чиновников защищали законы, послужной список, личные контакты. Более того, у них был огромный состав подчиненных, которыми можно было прикрыться. Но риск в любом случае оставался (Р. Валленберг, Х. Сугихара, граф Питромархи, Гюнтер Круль, М. Школьник и т. д.).

Немаловажно рассмотреть профессиональный состав спасаемых и спасителей. Среди спасителей было много военнослужащих (офицеров и солдат), юристов, полицейских, предпринимателей, педагогов, медиков, рабочих различных специальностей. А спасали в основном люди творческих профессий (музыкантов, художников, писателей); религиозных деятелей, медиков, людей различных строительных специальностей и связанных со сферой обслуживания (Братья Пекелис, Петр Рабцевич, Рахиль Абрамовна, Арон Рокаш).

Среди спасителей очень много людей пожилого возраста, которые прожили нелегкую жизнь и знают ей цену. А среди спасенных преобладают дети, так как детей было легче прятать, нежели взрослых. Их можно было выдать за детей погибших родственников, друзей, или спрятать в домах для сирот, интернатах.

Многие праведники прятали целые єврейские семьи, что было крайне трудно. Их нужно было содержать так, чтобы не вызвать подозрения, в первую очередь у соседей, которые могли донести полиции и тогда всем грозил расстрел, или тюремное заключение. А доносы были делом обыденным, так как поощрялись продажкой или деньгами, что было хорошим стимулом не только на Украине, но и в Западной Европе. Каждый преследовал свою цель – одни предавали ради улучшения материального положения, другие – ради карьеры...

Антон Косенко,
ученик 10 класса, сш № 58, г. Киев

М ИСТЕЦТВО І КАТАСТРОФА

В рубрике «Мистецтво і Катастрофа» мы предлагаем Вашему вниманию произведения не только известных авторов, но и начинающих, и даже любителей. На наш взгляд очень важны попытки осмысления Холокоста представителями современной украинской молодежи. Анна Ирисова участвовала в творческом научном конкурсе, посвященном проблематике Холокоста, который проводился Центром єврейского образования Украины для учащихся старших классов киевских школ. Она, как и многие ее ровесники, впервые узнала о Катастрофе. Ее стихотворение – своеобразная личностная рефлексия на впервые услышанное.

РАСКАЗ ЄВРЕЙСКОГО СОЛДАТА

*Я помню тот ужасный день,
Когда на фронт мы уезжали.
Мне солнце заслонила тень,
И в путь родные провожали.*

*Стоял июнь, я знал что надо
Идти на фронт, сражаться там,
Вокруг меня солдаты стадом
Идут туда, где гибель нам.*

*Я многое впервые видел,
Не различая быль и сон,
Везде страданья, стоны, гибель,
Ставал все меньше гарнизон.*

*Каким я был до этой битвы?
Все стерлось в памяти давно,
А боль мне сердце режет бритвой
И быть мне прежним не дано.*

*Заснуть бы мне не умирая,
Во сне опять ребенком стать
И с матерью своей играть,
От боли этой убежать.*

*Нет сил уже мечтать и плакать,
Смерть в воздухе висит давно.
Национальность свою прятать
Уже наверно все равно.*

*Ночь. Тишина. Друг рядом.
И хочется найти покой,
Но скольких разорвало снарядом
Друзей, что не придут домой.*

*Я пью тоску огромной чашей
Народ мой гибнет вновь и вновь.
Пренебрегают жизнью нашей,
Невинная все льется кровь.*

*Концлагеря хранят наш плач
Похоронив здесь миллионы,
А Гитлер – это наш палач,
Не слышал он людские стоны.*

*Євреев истребляли всех:
Детей и женщин – без разбора.
Как будто совершив свой грех,
Мы стали жертвой проговора.*

*Тотальное уничтоженья
Постигло весь єврейский люд.
За жизнь ужасное сраженья
Теперь другим открыло путь*

*История за все в ответе:
За нас, за мир и за войну
И люди все на целом свете
Героев помните, прошу!*

Ирисова Анна,
ученица 11-а класса, лицей № 142, г. Киев